

HAL
open science

**Судьба рериховских организаций: история
”Французского Общества друзей Музея Н.К. Рериха”
(1929-1935) по неизданной переписке сотрудников**

Dany Savelli

► **To cite this version:**

Dany Savelli. Судьба рериховских организаций: история ”Французского Общества друзей Музея Н.К. Рериха” (1929-1935) по неизданной переписке сотрудников. A.I. Andreev & Dany Savelli. Рерихи. Мифы и факты. Сборник статей, Нестор-История, pp.155-195, 2011, 9785981876950. <hal-00922776>

HAL Id: hal-00922776

<https://hal.science/hal-00922776>

Submitted on 6 Jan 2014

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

**СУДЬБА РЕРИХОВСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ:
ИСТОРИЯ «ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ
МУЗЕЯ Н.К. РЕРИХА» (1929–1935)
ПО НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКЕ СОТРУДНИКОВ¹**

Дани Савелли

Общества защиты и распространения идей Н.К. Рериха (1874–1947) не прекращали множиться при жизни художника. Составить их полный список было бы довольно затруднительно, ибо в целом в Америке, Европе и Азии — от Нью-Йорка до Риги и от Монтевидео до Аллахабада — Рерих в 1920–1930-е гг. учредил более 70 различных организаций, чаще всего (хотя и не всегда) носивших его имя². Иногда они не представляли ничего, кроме названия, так, например, в Белграде Общество имени Н.К. Рериха и Миссия женщин создали фактически единую организацию, впрочем, весьма малоактивную за все время своего существования³.

Н.К. Рериху, вдохновителю этих ассоциаций и члену впечатляющего числа литературных объединений, академических обществ и самых различных комитетов, удалось, таким образом, создать настоящую мировую сеть. Эти организации были призваны представлять и распространять учение Агни Йоги, разработанное им совместно с женой Еленой,

¹ Мне хотелось бы поблагодарить Международный центр Рерихов в Москве и выразить признательность первому вице-президенту Л.В. Шапошниковой за разрешение работать в отделе рукописей этого Центра. Я также хочу поблагодарить И.В. Орловскую и ее коллег за оказанную мне помощь во время работы в этом отделе. Без их содействия и доброжелательства во время моих слишком коротких пребываний в Москве мне едва ли бы удалось написать эту статью. Ссылки на архивные документы Международного центра Рерихов (в дальнейшем — МЦР) даются по существовавшему в июле 2010 г. каталогу центра.

² Н.К. Рерих указывает, что в 1929 и 1930 гг. были созданы 45 обществ в двадцати странах (см.: *Roerich N. Fiery Stronghold*. С. 177. Цит. по: *Stasulane A. Theosophy and culture: Nicholas Roerich*. Roma. 2005. P. 209). В начале 1932 г., насколько можно судить, их было 52 (МЦР. Ф. 1. Оп. 8076. Л. 25. Письмо Н.К. Рериха М.А. Таубе от 3 марта 1932 г.), в 1933 г. — 63 в 21 стране (см.: Осетия. 1933. №4-5-6. С. 13), а в апреле 1934 г. — 72 (МЦР. Ф. 1. Оп. 6415. Л. 32. Письмо на фр. яз. Г.Г. Шклявера Н.П. Серафиминой от 27 апреля 1934).

³ См.: *Рерих Е.И., Рерих Н.К., Асеев А.М.* Оккультизм и йога. Летопись сотрудничества, М., 1996. Т. 2. С. 224.

защищать Международный Пакт, которому он дал свое имя, и способствовать выдвижению его кандидатуры на Нобелевскую премию мира.

Самым ярким символом этих усилий институционализации остается Музей Рериха, который был основан в Нью-Йорке в ноябре 1923 г. и с 1929 по 1935 г. размещался в небоскребе на Манхэттене, названном Рерихом «Мастер Билдинг» (Дом Учителя). Однако это музей особого рода — функционирование, управление и деятельность его самого и многочисленных организаций, которые он объединил, никогда понастоящему не исследовались историками, что еще более справедливо в отношении его филиалов. Можно ли оценить работу, проведенную Рерихом по распространению своего учения и реализации своих идей, не уделив самого пристального внимания этой массе разнородных учреждений? Но для этого необходимо получить ответы на целый ряд вопросов: при каких обстоятельствах эти общества создавались? Кто были их членами? Какой деятельностью они занимались? Какие отношения они поддерживали с центром в Нью-Йорке и с членами семьи Рерихов? Работали ли они в тесном сотрудничестве с Рерихами или, напротив, в полной изоляции? Следовали ли они определенному политическому курсу и если да, то был ли он одинаковым во всех странах? Возникают и другие вопросы, на которые, по вполне понятным причинам (географическое рассеяние, разнообразие ситуаций в городах и странах и т. п.), не просто ответить.

Данное исследование не ставит своей целью дать панорамный обзор всех учреждений, созданных Рерихом и его сотрудниками для придания своей деятельности международного масштаба и веса. Автор этой статьи ставит перед собой гораздо более скромную задачу — реконструировать историю одного из таких учреждений, а именно Французского общества друзей Музея Рериха в Нью-Йорке, на материале неизданной корреспонденции его сотрудников. Общество с таким названием было официально зарегистрированное в Париже 5 июня 1929 г. и два года спустя (в конце 1931 г.) переименовано во «Французское общество Николая Рериха» (далее ФОНР).

Существует несколько причин, побуждающих нас обратить внимание именно на это Общество. Во-первых, ФОНР являлось важным филиалом нью-йоркского Музея — признанное в качестве Европейского центра⁴, Общество должно было объединить сеть рериховских учреждений в Европе и стать, по выражению близкого сотрудника художника М. Лихтмана, «европейским нервом Музея Рериха»⁵. Председатель

⁴ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 15. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 25 июня 1931 г. (на фр. яз.). В этом письме мы находим еще один пример преувеличенной оценки деятельности учреждений Рериха; разница же между парижским Обществом и Европейским центром не вполне ясна, ибо они занимались практически одним и тем же.

⁵ МЦР. Ф. 1. Оп. 3720. Л. 1. Письмо М. Лихтмана М. де Во Фалипо от 9 июня 1931 г. (на англ. яз.).

и секретарь Общества приняли активное участие в двух конференциях, посвященных Пакту Рериха, которые были организованы в 1931–1932 гг. в Брюгге бельгийцем Камиллом Тюльпинком (1861–1946).

Вторая причина заключается в том, что существует большое количество писем, написанных представителями Общества, которые хранятся в Международном центре Рериха в Москве и являются единственными известными нам документами о деятельности этой парижской организации. Действительно, архив Общества был полностью уничтожен фашистами в годы Второй мировой войны⁶. Кроме того, ни Мари де Во Фалипо, которая была председателем Общества до 1935 г., ни Георгий Гаврилович Шклявер (1897–1970), который был секретарем, а затем (в 1939 г.) возглавил Общество, не оставили потомков, и потому отыскать их личные архивы — дело практически безнадежное. Далее, дополнительной мотивацией для изучения (хотя бы частичного) этой весьма обширной корреспонденции служит отсутствие какого-либо проекта предполагаемой публикации писем сотрудников Н.К. Рериха.

Наконец, есть еще одна причина, побуждающая заняться историей парижского Общества — это несомненный эпистолярный талант и сама личность Мари де Во Фалипо. Ее письма (их около сотни) адресованы Николаю, Елене и Юрию Рерихам и их ближайшей сотруднице Эстер Лихтман (1892–1990). Написанные в довольно изящном стиле, они содержат более или менее точные сведения о жизни Общества. Но это еще не все. Ценность этих писем значительно возрастает, если принять во внимание тот факт, что их автор оставался вообще вне круга последователей Агни Йоги — случай довольно редкий для близкой сотрудницы Н.К. Рериха. Иными словами, корреспонденция этой женщины, человека «глубоко верующего» (католички)⁷, дают нам возможность взглянуть на дело Рериха одновременно с внешней и внутренней стороны. Отсюда особый интерес, который эти письма представляют для исследователя, и повод (дополнительный, если не главный) ближе познакомиться с «Французским обществом друзей Музея Рериха».

1. Создание и развитие Общества

Сотрудники Рериха в Париже

Учреждения, носящие имя Рериха, функционировали, главным образом, благодаря самоотверженности небольшого числа их сотрудников. В этом смысле «Французское общество друзей Музея Рериха» не

⁶ См. письмо Ю.Н. Рериха С.К. Рериху от 5 декабря 1957 г. (*Рерих Ю.Н. Письма*. Т. 2. 1936–1960, М. 2002. С. 312). Ю.Н. Рерих получил эту информацию от Г.Г. Шклявера.

⁷ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 123. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 3 августа 1933 г. (на фр. яз.).

было исключением. Его существование и развитие связано с двумя личностями — это Мари де Во Фалипо, бездетная вдова, живущая на ренту, и юрист Георгий Шклявер, верный адепт Агни Йоги, преданный всей душой Н.К. Рериху («Вы знаете, что смысл моей жизни в Служении под Вашим стягом»⁸, — признавался он художнику в 1928 г.). К ним в начале 1932 г. присоединился барон Михаил Александрович Таубе (1869–1961), бывший сенатор при Николае II и профессор права, «моральный авторитет и дипломатический опыт» которого, по словам М. Во де Фалипо, будут иметь «неоценимое значение»⁹.

Рерих и Шклявер были знакомы с давних пор, по крайней мере с 1919 г., когда отец последнего, Гавриил Шклявер, петербургский присяжный поверенный и стряпчий, проживал в Финляндии по соседству с Рерихом и так же как и он оказывал поддержку армии генерала Юденича (1862–1933). Что касается Рериха и Михаила Таубе, то их отношения еще более давние, так как барон был двоюродным братом художника. Совсем иной случай представляет собой знакомство Рериха с Мари де Во Фалипо¹⁰. Хотя Мари де Во Фалипо не была русской по рождению она, под влиянием своего брата, Жоржа Барбе де Во (1852–1914), работавшего в Петербурге в Министерстве финансов с 1887 по 1912 г., проявляла искренний интерес к России. Монография¹¹, которую она написала о нем по заказу Русского исторического архива за рубежом (Прага), дала ей возможность представить «неопровержимые документы, <позволяющие> воздать должное имперскому режиму, столь оклеветанному»¹². Однако добровольная деятельность, которую она будет вести ради учреждений Рериха, объяснялась не столько ее враждебностью к коммунизму, сколько желанием защитить «величественную концепцию Знамени Мира»¹³. Возможно также, что ее служение делу Рериха было вызвано желанием взять под защиту притесняемое меньшинство, — если вспомнить, что ее первая встреча с Рерихом в 1923 г. была связана с ее энергичными действиями в защиту лужицких сербов. «Вы были одним из первых, кто протянул мне руку

⁸ МЦР. Ф. 1. Оп. 6136. Л. 1 об. Письмо г.Г. Шклявера Н.К. Рериху от 14 июля 1928 г.

⁹ МЦР. Ф. 1. Оп. 10536. Л. 40. Письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 1 февраля 1932 г. (на фр. яз.).

¹⁰ Известных биографических данных о Мари де Во Фалипо (урожденной Барбе де Во, замужем за Амеде Фалипо) очень мало. Даже точные даты ее рождения и смерти неизвестны. Судя по фотографиям, снятым во время Конференции в Брюгге в 1931 г., ей было в то время около шестидесяти лет.

¹¹ *De Vaux Phalipau M. Georges Barbet de Vaux. Citoyen français. Fonctionnaire du Ministère des Finances de l'Empire Russe. Préf. du Baron Michel de Taube. Paris. 1934.*

¹² МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 127. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 5 сентября 1933 г. (на фр. яз.).

¹³ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 9. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 28 апреля 1931 г. (на фр. яз.).

помощи в этом так называемом химерическом деле <...>¹⁴, — напомнила она ему в апреле 1931 г.

Энергия Мари де Во Фалипо, ее опыт управления, хорошее знание английского языка и особенно ее связи, установленные благодаря Обществу «Друзья лужичан», основанного ею в 1924 г. в Париже, сделали ее желанной сотрудницей Музея Рериха в Нью-Йорке. «[Де Во] оставить в распоряжение наших Учреждений всю свою организацию «Lusace», которая имеет отделения в Праге, Белграде, Лондоне, Брюсселе и т. д. и которая насчитывает среди своих членов 34 профессора, в том числе и нескольких американцев <...>¹⁵», — отмечал Шклявер за несколько недель до официальной регистрации Общества.

Общество друзей Музея Н.К. Рериха и общественные связи

Действительно, Мари де Во Фалипо для содействия становлению учреждений Рериха широко использовала свои личные связи. Можно привести конкретные примеры, в которых проглядывает, так сказать, «мастерское» сплетение ею некоей сети вокруг имени Рериха ради пользы его делу. Часто имена лиц, представлявших учреждения Рериха, служили залогом респектабельности этих учреждений и тем самым увеличивали их влияние в обществе и способствовали привлечению к ним все большего числа тех или иных знаменитостей (эффект «снежного кома»).

Одним из результатов закулисных действий Мари де Во Фалипо стало вступление Н. Рериха в Общество помощи раненым на войне («самое старое Общество Красного Креста во Франции»¹⁶). В действительности Рерих вступил в это Общество во многом благодаря ее младшей сестре, «Председательнице одного из комитетов, связанной с маркизом де Лиллерс и женой маршала Лиоте»¹⁷. Это был очень важный шаг, позволивший Рериху установить контакты с группой,

¹⁴ Там же. В 1944 г., в статье «Славяне», Рерих упоминает о деятельности М. де Во Фалипо для общества «Люзас» (Lusace) и о своем собственном интересе к этому региону и его народу. «В Париже французы устроили общество «Люзас», посвященное славянам-лужичанам, уже давно изнывающим под германским ярмом. Выбрали в почетные члены, ибо знали, как близко мне все, до славян касаемое. Наш Святослав был президентом Американской секции «Люзаса». Мадам де Во Фалипо много потрудилась, изыскивая данные об этой древнеславянской ветви, и материалы были значительны». См.: *Рерих Н.К.* Листы Дневника. М. 2002. Т. 3. С. 209, 210.

¹⁵ МЦР. Ф. 1. Оп. 6136. Л. 17-18. Письмо Г.Г. Шклявера Н.К. Рериху от 16 апреля 1929 г.

¹⁶ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 83. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 20 октября 1932 г. (на фр. яз.).

¹⁷ Там же. Рерих будет назначен пожизненным членом этого Общества (МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 103 об. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 24 января 1933 г.). Нам не удалось найти сведений о маркизе де Лиллерсе, кроме того, что он являлся председателем этого Общества в 1932–1940 гг.

руководимой Инесс де Бургоэн (1862–1953), женой маршала Юбера Лиоте (1854–1934), и таким образом сблизиться с французскими военными кругами. Признание Пакта Рериха военными-профессионалами — а маршал Лиоте принадлежал к их числу, — имело очень большое значение для укрепления доверия к Пакту¹⁸.

Другим примером деятельности Мари де Во Фалипо может служить ее участие в организации Первой конференции Пакта Мира в Брюгге. Чтобы подчеркнуть культурный и художественный масштаб Пакта (именно поэтому ее выбор пал на Брюгге, который, как она считала, менее подвержен политическим влияниям, чем Брюссель¹⁹), Мари де Во Фалипо обратилась предварительно «к тридцати организациям друзей дворцов, собраний и хранителям музеев»²⁰. В результате ей удалось привлечь в Брюгге Жана Робике (Robiquet) (1874–1960), хранителя Музея Карнавале и президента Ассоциации хранителей национальных собраний Франции. Его присутствие не могло не способствовать поддержке Пакта и другими директорами культурных учреждений.

Накануне Конференции Мари де Во Фалипо обратилась к парижскому депутату доктору Лоближуа (Lobligeois) с просьбой выступить на ней с речью. Сделать это ей было совсем не трудно, поскольку Лоближуа являлся «близким другом» одного из ее кузенов²¹. Она также обратилась к своим знакомым за рубежом — в Чехословакии, Бельгии, Югославии и даже в США²² с просьбой помочь организовать новые филиалы Музея Рериха. И если ей удалось распространить до самой Швеции «активную пропаганду» в пользу Пакта, то только потому, что одна из ее подруг состояла в браке с филологом, профессором Упсальского университета Эриком Стаафом (Staaff) (1867–1936)²³.

Этих примеров вполне достаточно, чтобы показать, каким образом действовало Французское общества друзей Музея Рериха.

¹⁸ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 103 об. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 24 января 1933 г., а также письмо от 18 апреля 1933 г. (там же, Л. 114) (на фр. яз.).

¹⁹ МЦР. Ф. 1. Оп. 10536, Л. 47 об. Письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 1 сентября 1932 г. (на фр. яз.).

²⁰ МЦР. Ф. 1. Оп. 10536, Л. 25. Письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 10 июля 1931 г. (на фр. яз.).

²¹ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 29 об. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 10 сентября 1931 г. (на фр. яз.).

²² Шклявер намекает на создание в Кливленде (Огайо) нового отдела рериховских учреждений благодаря Николаю Епанчину, знакомому Мари де Во Фалипо. Вероятно, речь идет о его сыне В.Н. Епанчине (1889–1978), который, будучи врачом, эмигрировал в США. См. МЦР. Ф. 1. Оп. 9704. Л. 10 об. Письмо Г.Г. Шклявера В.А. Шибаеву от 19 марта 1935 г. (на англ. яз.).

²³ МЦР. Ф. 1. Оп. 10536. Л. 35. Письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 1 декабря 1931 г. (на фр. яз.).

Респектабельная ассоциация

Прежде чем мы рассмотрим другие общественные силы, помимо уже представленного нами «главного штаба», а именно: научное сообщество, политические и дипломатические круги и католический мир, стремившиеся к сотрудничеству с Обществом, необходимо отметить те усилия, которые пришлось приложить Мари де Во Фалипо и ее сотрудникам, чтобы придать парижской организации необходимую респектабельность. Может показаться, что в некоторых отношениях Общество функционировало как светский салон. Примечательная деталь — это особое внимание, уделяемое Обществом представителям старой аристократии. Так, Мари де Во Фалипо выражает радость по поводу визита «ее светлости Ровены, герцогини Сомерсетской» (? — 1950), которую она убеждала создать комитет Рериха в Объединенном Королевстве²⁴. Таким образом, парижские сотрудники Рериха начали налаживать связи с царствующими домами Европы, преподнося монархам Бельгии, Югославии и даже Персии картины Рериха. Такие события, особенно если о них сообщалось в печати или в публикациях учреждений Рериха, способствовали внешней поддержке и укреплению самих учреждений.

В этих обстоятельствах помещение, в котором размещалось Общество, становилось важным элементом пропаганды — оно служило его витриной. Поначалу Общество помещалось в квартире Георгия Шклявера (рю де Вожирар 397, 15-й округ), затем, осенью 1930 г., оно переехало в бывший частный отель, расположенный в сердце Парижа, на рю де Пуатье 12. С конца ноября «самые близкие» собирались там по средам²⁵. В конце года завещательное распоряжение княгини Марии Тенишевой (1867–1928)²⁶ позволило Обществу украсить свою штаб-квартиру — оно получило мебель, частично выполненную в талашкинских мастерских, и сверх того восемь картин Рериха²⁷. Эти работы, к которым позднее добавятся другие полотна Рериха, стали важным элементом декора²⁸. Особое внимание было

²⁴ Письма М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 23 сентября 1931 г. (МЦР. Ф. 1. Оп. 10536. Л. 29 об.) и от 2 февраля 1932 г. (МЦР. Ф. 1. Оп. 10536. Л. 50; на фр. яз.).

²⁵ МЦР. Ф. 1. Оп. 10531. Л. 29 об. Письмо М. де Во Фалипо Э. Лихтман от 21 декабря 1930 г. (на фр. яз.).

²⁶ МЦР. Ф. 1. Оп. 6136. Л. 21. Письмо г.Г. Шклявера Н.К. Рериху от 23 октября 1930 г. См. также письма М. де Во Фалипо Э. Лихтман от 24 октября и 21 декабря 1930 г. (МЦР. Ф. 1. Оп. 10531. Л. 23 и 29 об.; на фр. яз.).

²⁷ Речь идет о картинах «Царица Небесная. Эскиз стенописи церкви в Талашкине» (1909), «Изда смерти» (1904), «Сосны», «Сокровище Ангелов (фрагмент картины, Музей Рериха в Нью Йорке)» (1904), «Св. Александр Невский поражает Ярла Биргеса» (1905), «Архангелы — Трон Невидимого Бога», «Заморские гости» (1905) и «Кочевники». Эскиз для эмали. См.: *Le Messager français*. 1930. №1. P. 22.

²⁸ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 25. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 12 июля 1931 г.; МЦР. Ф. 1. Оп. 6136. Л. 21 (на фр. яз.). Письмо Г.Г. Шклявера Н.К. Рериха от 23 октября 1930 г.

уделено освещению зала «Елены Рерих», превратившегося в настоящий «экспозиционный зал»²⁹.

Подбор ближайших сотрудников Общества не должен был разрушить этот великолепный декор. Здесь сказались предубеждения той среды, из которой вышла Мари де Во Фалипо. Так, при приеме новой секретарши она сообщила Н. Рериху, что «необходимо, чтобы наша секретарша была светской дамой, способной принять посетителей в отсутствие меня или Шклявера»³⁰. Она воспротивилась приему на работу бельгийской журналистки Эстер Ван Лоо, потому что «весьма деликатная ситуация разведенной женщины вредит ее статусу — я же считаю, что социальное положение членов Комитета должно быть безупречным»³¹. Позднее она признается, что никогда не хотела принимать в Общество, «несмотря на все искушения», «лиц семитской расы»³². Для истинной католички соблюдение приличий всегда было на первом месте.

Кампании в прессе и публикации Общества

Тем не менее было бы неверно думать, что Общество стремилось исключительно к поддержанию внешнего декора, а Мари де Во Фалипо как светская дама была озабочена лишь приемом избранных посетителей за чашкой чая. Задачи Общества были совсем иными. Оно создавалось, прежде всего, чтобы организовать «газетную кампанию»³³ с целью освещения Центральноазиатской экспедиции Н. Рериха. Хотя от этой идеи в конце концов пришлось отказаться, все же французская пресса продолжала привлекать к себе особое внимание Общества. «Все парижские газеты» собираются сообщить об открытии в Нью-Йорке здания Мастер Билдинг, с радостью сообщал Шклявер Н. Рериху 9 марта 1929 г.³⁴ Журналист Рауль Лапейр (Lapeyre), вопреки жалобам Мари де Во Фалипо, что он «абсолютно ничем не занимается» в Обществе, продолжал выполнять роль казначея: «мы не можем ссориться с журналистом из «Фигаро», органом, который всегда выказывал самую

²⁹ МЦР. Ф. 1. Оп. 10536. Л. 24. Письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 10 июля 1931 г. (на фр. яз.).

³⁰ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 25. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 12 июля 1931 г. (на фр. яз.). См. также письмо М. де Во Фалипо Э. Лихтман от 16 июля 1931 г. (МЦР. Ф. 1. Оп. 10531. Л. 41 об.; (на фр. яз.).

³¹ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 47. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху, б/д (на фр. яз.) (написано предположительно в 1932 г.). Эстер ван Лоо издала один из номеров бельгийского художественного журнала «Gand artistique. Art et esthétique» [Художественный Гент. Искусство и Эстетика], №10-11 (1931), который полностью посвящен Н.К. Рериху.

³² МЦР. Ф. 1. Оп. 2627. Л. 3. Письмо М. де Во Фалипо Е.И. Рерих от 5 апреля 1935 г. (на фр. яз.).

³³ МЦР. Ф. 1. Оп. 6136. Л. 3 и Л. 5 об. Письма Г.Г. Шклявера Н.К. Рериху от 14 июля и 25 ноября 1928 г.

³⁴ МЦР. Ф. 1. Оп. 6136. Л. 9 об. Письмо Г.Г. Шклявера Н.К. Рериху от 9 марта 1929 г.

живую симпатию учреждениям Рериха»³⁵, — объясняет ситуацию Мари де Во Фалипо. В 1932 г., когда усилился экономический кризис, она будет сетовать, что не располагает никаким «фондом прессы», так как становится «почти невозможно поместить в газеты не только статьи, но и простые сообщения»³⁶.

В течение короткого времени Общество имело свой собственный орган информации — *Le Messenger français du Roerich Museum* («Французский вестник Музея Рериха») ³⁷. Отсутствием средств объясняется то, что это «очаровательное издание, предназначенное оказывать драгоценные услуги в деле нашей пропаганды»³⁸, вышло в свет всего одним номером. В этом номере был приведен список членов Общества и опубликовано несколько текстов Н. Рериха во французском переводе.

Среди публикаций Общества следует отметить также французский перевод книги «Агни Йога». В течение многих месяцев Георгий Шклявер посвящал все свои вечера переводу этого сочинения Е.И. Рерих (4-я книга учения «Живой Этики»), появившегося в Париже на русском языке в 1929 г.³⁹ К сожалению, мне не удалось отыскать ни одного экземпляра этого издания ни в Национальной библиотеке в Париже, в которую французские издатели обязаны передавать один экземпляр своей продукции, ни в библиотеке МЦР в Москве. Тем не менее художник Поль Шабас (Chabas) (1869 – 1937), президент Общества французских художников, спонсировавший издание французского перевода «Агни Йоги», в письме Н. Рериху от 30 октября 1933 г. выражал радость по случаю выхода книги⁴⁰. Книга в «приятной голубой обложке»⁴¹, скорее всего, была преподнесена в конфиденциальном порядке нескольким верным адептам, как это было в случае с книгой «Напутствие Вождю», изданной всего лишь в 50 экземплярах⁴².

Этот факт свидетельствует о том, что Мари де Во Фалипо, которая не читала по-русски, по-видимому, не имела ни малейшего пред-

³⁵ МЦР. Ф. 1. Оп. 10536. Л. 27-27 об. Письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 20 августа 1931 г. (на фр. яз.).

³⁶ МЦР. Ф. 1. Оп. 8079. Л. 3. Письмо М. де Во Фалипо З. Лихтман от 29 июля 1932 г. (на фр. яз.). В отделе рукописей МЦР это письмо находится в папке писем Мари де Во Фалипо к Нетти Хорш, однако некоторые детали указывают на то, что процитированное здесь письмо в действительности адресовано З.Г. Фосдик.

³⁷ Единственный номер этого журнала был опубликован в конце 1930 г. или в начале 1931 г.

³⁸ МЦР. Ф. 1. Оп. 10531. Л. 31 об. Письмо М. де Во Фалипо Э. Лихтман от 15 января 1931 г. (на фр. яз.).

³⁹ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 71. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 30 мая 1932 г. (на фр. яз.).

⁴⁰ МЦР. Ф. 1. Оп. 10536, Л. 54 об. Письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 2 февраля 1932 г. (на фр. яз.).

⁴¹ МЦР. Ф. 1. Оп. 6131. Л. 6. Письмо П. Шабаса Н.К. Рериху от 15 июля 1932 г. (на фр. яз.).

⁴² Напутствие Вождю, [б.м.], [б.изд.], 1933.

ставления о содержании Агни Йоги. А также ясно показывает, что распространение этого духовного учения не являлось основной задачей Общества.

В то же время Общество придавало большое значение публикации на французском языке книги Ю. Рериха о Центральноазиатском путешествии, печатавшейся в 1931 г. в издательстве Йельского университета⁴³. По правде говоря, инициатива принадлежала Мари де Во Фалипо, которая горячо взялась за работу по переводу, твердо решив, что книга обязательно должна появиться до открытия Международного этнографического конгресса и одновременно с Международной колониальной выставкой⁴⁴. Тем самым она хотела «воспользоваться исключительными обстоятельствами»⁴⁵. То была эпоха, когда большие экспедиции вглубь таинственных континентов еще будоражили воображение читающей публики, и Общество хотело этим воспользоваться.

Научный мир

Публикация книги Юрия Рериха должна была не только затронуть чувства широкой публики, но и оказать научную поддержку деятельности учреждений Рериха, прежде всего Гималайского Исследовательского института Музея Рериха («Урусвати»), основанного в июле 1928 г. в Северном Пенджабе.

«Крайне важно для наших Учреждений, в особенности для Урусвати, чтобы американская экспедиция стала известна в Европе, где о ней почти никто ничего не знает»⁴⁶, — считала Мари де Во Фалипо. Как для американского издания, так и для французского предисловие написал Луи Марен (Marin) (1871–1960), влиятельный французский политик, а также видный антрополог и этнолог, разделявший с Рерихом общий интерес к Сибири. Имея звание Почетного президента парижского Общества, он также являлся и председателем этнографической секции Международного института антропологии в Париже. Если учесть, что Мари де Во Фалипо также была членом этого института, становится понятно, почему многие члены Общества проявляли такой интерес к этнографическим и фольклорным исследованиям Николая и Юрия Рерихов. Статьи Мари де Во Фалипо, Георгия Шклявера, а также Н.К. Рериха

⁴³ Roerich, George N. Trails to Inmost Asia. Five Years of Exploration with the Roerich Central Asian Expedition, pref. by Louis Marin. New Haven — London. 1931. XX. 504 p.

⁴⁴ Об этой выставке, которая проходила в Париже с мая по октябрь 1931 г., см.: http://fr.wikipedia.org/wiki/Exposition_coloniale_internationale_%281931%29

⁴⁵ МЦР. Ф. 1. Оп. 10536, Л. 5. Письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 1 февраля 1931 г. (на фр. яз.)

⁴⁶ МЦР. Ф. 1. Оп. 8079. Л. 5. Письмо М. де Во Фалипо Н. Хорш от 8 декабря 1932 г. (на фр. яз.). См. также письмо М. де Во Фалипо Л. Хоршу от 20 октября 1932 г. (МЦР. Ф. 1. Оп. 7278. Л. 2, на фр. яз.).

и Эстер Лихтман публиковались в журнале *L'Ethnographie* («Этнография»), редактором которого был Марен. Известные французские антропологи, такие как Марсель Жусс (Jousse) (1886–1961) или Жорж Монтандон (Montandon) (1878–1944), в разное время поддерживали отношения с Обществом. Все это свидетельствует о том, что Общество рассматривало свою деятельность как продолжение исследований Николая и Юрия Рерихов о происхождении человечества и о путях его миграции, хотя эта цель и не нашла отражения в уставе Общества.

Деятельность Общества была также связана с работой Гималайского исследовательского института. Мари де Во Фалипо установила связи «с главными лицами научных обществ, музеев естественной истории и др.»⁴⁷ Франции и Европы; она получала посылки с образцами гималайской флоры, посланные Н. Рерихом, и предлагала растения Национальному музею естественной истории в Париже. Она принимала в помещении Общества монсьёра Фуше (Foucher) (1865–?), энтомолога, хранителя музея Бери и профессора в Католическом институте⁴⁸; она установила связь со знаменитым орнитологом Жаном Теодором Делакуром (Delacour) (1890–1985)⁴⁹ и обратилась к видным профессорам университетов в Амстердаме и Льеже, которых «давно знает»⁵⁰, и т. д. Одним словом, она действовала, постоянно обращаясь к своей адресной книжке.

II. «Друзья культуры»

Разношерстная русская секция

В деятельности Русской секции общества, созданной в июле 1930 г. и называвшейся также «Друзья культуры», недвусмысленно проглядывает желание приобщить парижское Общество к научным исследованиям.

В уставе Общества ничего не говорилось о намерении превратить его в организацию русской эмиграции. Напротив, его создателям было важно, чтобы это рериховское учреждение нашло свое место во французском обществе, стало его частью. Именно такая задача ставилась перед Обществом накануне его официального открытия. «Вполне согласен с Вами, что должны быть приглашены исключительно французы», —

⁴⁷ МЦР. Ф. 1. Оп. 10536. Л. 8 об. Письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 12 марта 1931 г. (на фр. яз.).

⁴⁸ МЦР. Ф. 1. Оп. 10536. Л. 7-7 об. Письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 12 марта 1931 г. (на фр. яз.).

⁴⁹ МЦР. Ф. 1. Оп. 10536. Л. 15. Письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 10 мая 1931 г. (на фр. яз.).

⁵⁰ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 55 об. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 16 февраля 1932 г. (на фр. яз.).

писал Шклявер Рериху 16 апреля 1929 г. по поводу состава будущего парижского филиала Музея Рериха⁵¹. В марте 1932 г. Михаил Таубе, который только что сменил актрису Марию Германову (1885–1940) на посту председателя этой секции, выражал свое удовлетворение по поводу назначения главой французского комитета Пакта (другого учреждения, связанного с Обществом) принца Бьянки де Медичи (Bianchi de Medicis), видя в этом «знак превращения этого русского Комитета в Комитет международный»⁵². Но как тогда объяснить создание секции, состоящей целиком из русских эмигрантов?

Прежде всего отметим, что эта секция не представляет собой ни конфессиональную, ни профессиональную, ни даже сугубо политическую группировку и этим она заметно отличается от большинства объединений русских эмигрантов, которые создавались тогда повсюду во Франции. Среди групп, которые в нее входили, была одна исключительно политическая группа, образованная членами так называемой «группы Утверждений»⁵³, и разные региональные или национальные группы, как-то: сибирская группа, руководимая Александром Акимовичем Кирилловым (1894–?), осетинская группа во главе с Джамбулатом Джанти (?–1958), группа мусульман Кавказа, руководимая Али Акбаром Бек Топчибашиевым (1896–?)⁵⁴ и, наконец, калмыцкая группа, которую возглавлял Бакша Намбушев.

Поскольку все упомянутые выше группы имели своих сторонников и друзей за границей, это позволяло учреждениям Рериха расширять свою собственную сеть.

«Быть может, Сибирская Группа установит ближайшее отношение со своими сородичами в Праге и в других европейских центрах, также как и Калмыцкая Станица будет в духовном объединении

⁵¹ МЦР. Ф. 1. Оп. 6136. Л. 17. Письмо Г.Г. Шклявера Н.К. Рериху от 16 апреля 1929 г.

⁵² МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 25. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 15–17 марта 1932 г. Мы не располагаем более подробной информацией о князе Бьянки де Медичи. Предположительно, он был этнологом, автором опубликованного в 1929 г. очерка о бретонских головных уборах. Не вполне ясно, существовал ли в действительности русский комитет Пакта. В письмах к Н.К. Рериху от 12 и 19 июня 1933 Таубе выражает свое удовлетворение в связи с вступлением в члены этого комитета новых лиц. Все избранные — русские эмигранты: зампредела русского отдела барон Типолт, профессор Н.К. Кульман (1871–1940), архитектор Н.В. Глоба (1859–1941), о. Спасский (1877–1943), доктор А.П. Прокопенко (1866–1954), граф А. Салтуков, князь Н.С. Оболенский (1880–1948) (МЦР. Ф. 8075. Л. 60 и 63 об.). Требуются дальнейшие исследования, чтобы понять, по каким причинам эти лица заинтересовались идеями и проектами Рериха.

⁵³ Об «утвержденцах», см.: Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг. / под ред. Киселева А.Ф. М., 1999. С. 437–517.

⁵⁴ Речь идет о сыне председателя Мусульманской фракции первой Государственной Думы Али Мардана бек Топчибашиева (1862–1934), который участвовал в провозглашении Азербайджанской Демократической Республики 28 мая 1918 г. После установления в Азербайджане советской власти глава азербайджанского парламента Али Мардан бек Топчибашиев был вынужден эмигрировать во Францию.

со станицами в Белграде, Праге и с прочим калмыцкими и донскими станицами»,⁵⁵ — отмечает Рерих в письме М. Таубе 24 декабря 1931 г.

Более того, сведения о широком распространении дружественных групп по всему миру могли принести пользу Обществу как, например, в случае сообщения в «Бюллетене Музея Рериха» в декабре 1932 г. о создании осетинской группы в Йокогаме в Японии и корреспондентских пунктов в Болгарии, Чехословакии и Германии⁵⁶. Группы русской секции при необходимости также могли оказать поддержку Рериху. Так, например, когда в Харбине в 1935 г. начались интриги против Рериха, находившийся во Франции Кириллов выступил в его защиту⁵⁷.

Трудно сказать, какие идеи или принципы объединяли эти группы. Группа «утвержденцев», руководимая князем Ю.А. Ширинским-Шихматовым (1890–1942), кажется, стоит совершенно особняком, поскольку, в отличие от других групп, она имела сугубо политическую программу. В поисках третьего пути между капитализмом и коммунизмом, ее члены разделяли взгляды Рериха⁵⁸, который писал в журнале «утвержденцев», что на Россию возложена особая духовная и культурная миссия. Но достаточно ли этого заявления, чтобы понять причины сближения группы «Утверждения» с Рерихом?

Отметим, что ни Мари де Во Фалипо, ни Михаил Таубе, намного лучше, чем она, разбиравшийся в различных течениях русской эмиграции, никак не реагировали на политические диспуты, проходившие в группах Общества. Нельзя исключить, конечно, того, что эти диспуты не попали в поле зрения Мари де Во Фалипо и М. Таубе, который часто отсутствовал в Париже, поскольку читал лекции по юриспруденции в Нидерландах и Германии. Оба они, однако, были довольно многословны, когда речь заходила о собраниях и конференциях по этнологии и антропологии, которые регулярно организовывались другими группами секции. Так, в письме от 18 апреля 1933 г. Мари де Во Фалипо выражает свои взгляды: «Я познакомилась с г. Кирилловым, председателем Ассамблеи сибиряков, мы долго беседовали с ним, и Шклявер и я подумали об устройстве большой сибирской презентации в Обществе этнографии в октябре. 6 мая заседание по этнографии будет посвящено осетинам. г. Джамбулат Джан-ти подготовил важное сообщение»⁵⁹.

⁵⁵ МЦР. Ф. 1. Оп. 8076. Л. 5. Письмо Н.К. Рериха М.А. Таубе от 24 ноября 1931 г.

⁵⁶ «Roerich Museum Bulletin». Dec. 1932, 7, K. 4.

⁵⁷ МЦР. Ф. 1. Оп. 6140. Л. 21. Письмо Н.К. Рериха Г.Г. Шкляверу от 7 апреля 1935 г. См. также письмо от 27 августа 1935 (Л. 22), где Рерих радуется деятельности «утвержденцев». Письмо опубликовано В.А. Росовым, см.: *Росов В.А. Николай Рерих Вестник Звенигорода*. М. 2004. Т. 2. С. 42-43.

⁵⁸ *Рерих Н.К. Азия о Христе Иисусе // Утверждения (Париж)*. 1932. №3. С. 79-81.

⁵⁹ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 114. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 18 апреля 1933 г. (на фр. яз.)

Дать оценку научной деятельности русской секции весьма затруднительно, поскольку мы не имеем полного списка организованных ею конференций. Поэтому мы остановимся на осетинской группе, которая заслуживает гораздо большего внимания. Прежде всего, интересы руководителя группы Джамбулата Джанти в большой степени совпадали с интересами Рериха, так как они касались связей осетинского языка с санскритом, — иначе говоря, элементов, способных доказать индийское происхождение евразийских народов, — идея, особенно близкая Рериху. Журнал, озаглавленный «Осетия», подготовленный этой группой в 1933 г., подтверждает их интерес к лингвистическим и антропологическим вопросам, призванным осветить происхождение осетин. Юрий Рерих, Али Акбар бек Топчибаев и профессор Георг-Гаппо Байев (1869–1939), заведующий кафедрой осетинологии в Берлине, принимали участие в журнале, но что особенно поражает при чтении нескольких опубликованных номеров, так это неприкрытое восхищение Рерихом — «нашим Славным Вождем Культуры» — со стороны редакции журнала⁶⁰. В третьем выпуске (№№ 4, 5, 6) «Осетии», например, говорилось: «Мы хотим еще раз заявить о тех огромных услугах, которые нам оказал наш Почетный президент, которого мы считаем нашим духовным Вождем, господин профессор Николай Рерих»⁶¹. Подобная декларация наводит на мысль, что члены редакции были адептами Агни Йоги. Репродукция фотографий Николая Рериха и Юрия Рериха на обложке соответственно первого и четвертого номеров, заставляет в это поверить, как и тот факт, что тройной номер, выпущенный летом 1933 г., не содержит ни одной статьи об Осетии и осетинах и посвящен целиком Пакту Рериха. (Отметим для сравнения, что приведенные выше эпитеты в отношении Рериха отсутствуют в журнале «Ковыльные волны», издававшемся калмыками⁶².) Необходимо дополнительное исследование, чтобы выяснить, как отнеслась осетинская диаспора к этому журналу, опубликованному «Европейским центром Музея академика Н.К. Рериха».

Каким было отношение к Агни Йоге входивших в русскую секцию групп — наиболее интригующий вопрос. Хотя совершенно очевидно, что в объединении этих разных групп, все члены которых, важно отметить, были выходцами с Востока, за исключением членов группы «Утверждения», преобладали общие интеллектуальные интересы.

⁶⁰ Редакция. Конференция Знамени Мира // Осетия (Париж). Апрель-май-июнь 1933. № 4-5-6. С. 16.

⁶¹ *Le Comité des études ossètes* [Комитет осетинских исследований]. Там же. С. 2. (Текст на французском языке).

⁶² Во всех номерах журнала, с которыми нам удалось ознакомиться, кроме № 12. Журнал «Ковыльные Волны» издавался в пригороде Парижа в 1930–1937 гг. В этой связи заслуживает внимания публикация в № 4 (март 1932 г., С. 44–47) письма Нетти Хорш (жены американского спонсора Н.К. Рериха) и нескольких писем Н.К. Рериха настоятелю буддийского храма в Белграде бакши Санджи Умальдинову (1882–1946).

Проект Института восточных исследований

Этот восточный характер русской секции был довольно заметным, тем более что к концу 1930 г. намечалось создание при парижском Обществе Института восточных исследований⁶³. Михаил Таубе должен был стать его президентом, а Георгий Шклявер — секретарем. Выступая от имени сотрудников Нью-Йоркского музея, Эстер Лихтман написала Таубе два года спустя: «Нас очень интересует Восточный Институт, который всегда был вашим большим проектом. Сообщите нам, пожалуйста, об этом начинании»⁶⁴.

Несколько ранее Михаил Таубе в письме к Н.К. Рериху действительно рассказывал о своих планах основать институт «в связи с рядом видных иностранных ученых» и уточнял, что он уже обращался во французское Министерство иностранных дел по этому поводу. Однако замена министра Андре Тардьё (Tardieu) (1876 – 1945) на Эдуара Эррио (Herriot) (1872–1957) стала фатальной для проекта, «ибо к Эррио у меня «ходов» не имеется»⁶⁵. Надежды Нью-Йорка, однако, основывались на недоразумении. В действительности в продолжении письма Рериху Таубе прямо говорит, что увидел несоответствие своего проекта с созданием института, который был бы непосредственно связан с Обществом друзей Музея Рериха: «Открывать теперь вместо такого учреждения русско-эмигрантский его суррогат, где кто-то что-то будет читать для «нашего собственного употребления» — и дальнейшего «оплевания» в нашей невозможной здешней прессе — мне лично совершенно невозможно; да я и не вправе это сделать перед моими иностранными коллегами». И далее Таубе уточняет: «Ведь сейчас никакого научного контроля над читаемыми в Вашем помещении докладами разных добровольцев из Осетин, Сибирияков или других эмигрантских новоиспеченных ученых не существует»⁶⁶.

Некоторые конференции, сообщает он, очень посредственны, и для примера ссылается в письме в декабре 1932 г. на конференцию об осетинском языке, раскритикованную Али Акбаром Бек Топчибаевым и одним профессором Сорбонны и Школы восточных языков.

В этих обстоятельствах Михаил Таубе заявляет довольно категорично: «Но, к сожалению, “Общества” Вашего имени не суть научные учреждения, “факультеты”, которых брали бы на себя ответственность за выпускаемых ими лекторов. При таких условиях, мы даем лишь

⁶³ Упоминается в журнале «*Messenger français*» (№ 1. С. 18).

⁶⁴ МЦР. Ф. 1. Оп. 8077. Л. 2-3. Письмо Э. Лихтман М.А. Таубе от 14 декабря 1932 г. (на англ. яз.)

⁶⁵ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 46. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 1 ноября 1932 г.

⁶⁶ Там же.

помещение филиальным организациям, которые с своей стороны выпускают “кого попало”»⁶⁷.

Отказ принять предложение Эстер Лихтман объясняется сильными сомнениями Таубе относительно научных претензий Общества.

Сомнения Михаила Таубе по поводу русской секции

Впрочем, вскоре Таубе вновь задался вопросом о полезности руководимой им русской секции. Ему казалось, что Общество только выиграет, если будет держаться как можно дальше от различных религиозных и политических групп, образованных эмигрантами: «От всякой русско-эмигрантской политики, я думаю, нам следовало бы держаться подальше; тоже — и от той или другой специфической группы духовенства, на которые, к сожалению, распалось наше зарубежное православие...»⁶⁸.

Визиты на рю де Пуатье 12 митрополита Евлогия (Георгиевского) (1868–1946), который с ноября 1930 г. оказался под юрисдикцией Константинополя, могли привести к обострению отношений Общества со сторонниками митрополита Антония (Храповицкого) (1863–1936), главы русской православной независимой церкви⁶⁹. Что касается группы «Утверждения», то она могла нанести вред Обществу своей слишком колеблющейся политической линией:

«Относительно кн. Ширинского и его “группы” буду Вам писать в следующий раз; для меня пока не очень ясно, не попадаем ли мы в этом направлении в подозрительнейший лагерь так наз. “младороссов” и “царя Кирилла” от чего всячески следовало бы сторониться. Тут с этим — так же как и с церковным вопросом — величайшая и крайне темная неразбериха»⁷⁰.

В марте 1932 г. Таубе еще питал уважение к группе сибиряков и группе кавказцев⁷¹, но пять недель спустя он уже относился с большим скептицизмом ко всем группам русской секции:

«Ко всем этими Сибирякам, Калмыкам, Утвержденцам и пр. я усиленно присматриваюсь — и лично, и в особенности через разных своих “информаторов”. Пока о всех их могу сказать: из массы “рыб” идущих в раскинутый невод, хорошо, если останутся только некоторые способные и преданные единицы. Да я никогда не увлекался “количеством”, — а в особенности в наших печальных эмигрантских кругах.

⁶⁷ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 53-53 об. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 25-29 декабря 1932 г.

⁶⁸ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 20. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 13 января 1932 г.

⁶⁹ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 24. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 1 марта 1932 г.

⁷⁰ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 22 об. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 15 февраля 1932 г. См. также письмо Н.К. Рериху от 1 марта 1932, где Таубе упоминает скандалы, постоянно возникающие в Обществе из-за группы Ширинского-Шихматова (Ф. 1. Оп. 8075. Л. 24.).

⁷¹ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 24-24 об. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 1 марта 1932 г.

Приведу два конкретных примера. 1) Сибирская группа, с которой усиленно “возится” Шклявер (и хорошо делает!) и которая на днях устраивала “у нас” очень интересный “Монгольский” вечер <...>. Так вот, по моему весьма определенному впечатлению, главный интерес ее вожаков по сближению с нами — едва ли не в возможности пользоваться бесплатным помещением для своих собраний, а затем, со временем, может быть, получить и некоторую субсидию на их предполагаемые издания... <...> Важно то, чтобы мы-то сами, при таких условиях, не строили себе лишних иллюзий на счет возможности получить особые результаты от совместной работы с этими “группами”. 2) В несколько иной “плоскости” лежит моя оценка моей Мусульманской группы, — тоже пессимистическая. Тут дело в том, что молодой и энергичный ее представитель (вошедший в наш комитет) <Али Абкар Топчибаев. — Д. С.> совершенно идейно нам сочувствует, но... сородичи его диаметрально противоположны всем разновидностям наших российско-интеллигентских “групп”: этих последних, как Вы знаете, хлебом не корми, а дай только до одури говорить на все те-же “политические” темы; мусульмане к здешним говорильням имеют слабое пристрастие — учатся, работают, а кто может — ибо все они рвутся в бой — и проскальзывают к себе, на Восток, для реальной борьбы за свои национально-религиозные идеалы. Словом, они — через своего представителя — поддерживают со мной связь, на всякий случай, но пока не видят, что более близкое сотрудничество с нами может принести им реального в их определенно-политических чаяниях на Востоке»⁷². (Подчеркивания автора письма. — Д.С.)

Многие замечания Михаила Таубе указывают на то, что русская секция Общества друзей Музея Н.К. Рериха, вызывавшая у него откровенное недоумение, — находилась в ведении Шклявера. Чем дальше, тем меньше видел он в ней пользу, что побуждало его задать вопрос, что же Шклявер может из этой секции «выжать»⁷³.

Политическая ангажированность Георгия Шклявера

Письма Шклявера, — чей скрытный характер и ревнивое восхищение, с которым он относился к семье Рериха, отмечали как Таубе и Мари де Во Фалипо, так и Рерихи, — не отличаются большим красноречьем (все — и Мари де Во Фалипо, и Таубе, и Рерихи к тому же жаловались на его привычку действовать, не ставя в известность ни Нью-Йоркский музей, ни Рерихов в Кулу, ни своих коллег в Париже). Ни одно из написанных им писем, с которыми нам удалось познакомиться, не позволяет ответить на вопрос, поставленный Михаилом Таубе. Можно отметить, однако, что русская секция Общества послужила Шкляверу защитой его

⁷²МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 26 об. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 8 апреля 1932 г.

⁷³МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 24. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 1 марта 1932 г.

личных убеждений — все более примирительного отношения к СССР. В 1936 г. поэт Марк Шесно (Chesneau) (1899 – 1980), приверженец Рериха и член Общества, убеждал Шклявера «отказаться подключать политическое движение, впрочем, симпатичное, о котором вы мне говорили, к нашему Обществу, чтобы оставить ему [Обществу] его чистую духовность»⁷⁴. Шесно не уточняет, о каком «политическом движении» идет речь, однако некоторые высказывания в его письмах, а также объявления, появившиеся в прессе о собраниях в помещении Общества⁷⁵, досье на имя Георгия Шклявера, сохранившееся в Полицейской префектуре Парижа⁷⁶, и последние работы Андрея Серкова, исследователя российского масонства⁷⁷, позволяют нам составить о нем представление.

В 1930-е годы Шклявер был близок к «Пореволюционному клубу» (основан 1 мая 1932 г. Юрием Ширинским-Шихматовым и членами Союза русских национал-мессианистов), который часто собирался в помещении Общества⁷⁸. Позднее он сотрудничал с «Российским эмигрантским оборонческим движением». Это движение, основанное в 1936 г., выступало против иностранной интервенции в Советский Союз, считая, что большевизм исчезнет сам собой. Наконец, в 1944 г. он вступил в «Союз русских патриотов», возникший годом ранее (позднее переименован в «Союз советских патриотов»), целью которого было примирение российских эмигрантских кругов и СССР. Таким образом, в 1930-е годы Шклявер постепенно изменил свое политическое кредо и занял патриотическую (просоветскую) позицию.

Отсюда можно сделать вывод, что русская секция с самого начала была довольно неоднородной. Постепенно она эволюционировала и в конце концов, когда для каждого русского эмигранта настало время сделать окончательный выбор — за или против СССР, превратилась в ассоциацию русских эмигрантов, защищающую совершенно определенную политическую линию. Прежде, в период с 1930 по 1935 г., эта секция, кроме группы «Утверждения», имела весьма расплывчатые цели, но вдохновлялась сугубо интеллектуальными интересами, связанными с поиском истоков, что живо интересовало Н. Рериха всю его жизнь. Имея в своем составе православных, мусульман и буддистов, она отражала главным образом тот религиозный синкретизм, который Николай и Елена Рерих стремились воплотить посредством Агни Йоги и который они рассматривали как возврат к утраченному первоначальному единству.

⁷⁴ МЦР. Ф. 1. Оп. 6273. Л. 1. Письмо М. Шесно Г.Г. Шкляверу от 10 февраля 1936 г. (на фр. яз.).

⁷⁵ См.: Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни Франции. 1920-1940. / под ред. Мнухин Л.А. Париж–М. 1995-1996. Т. 2 и 3.

⁷⁶ Préfecture de police de la Ville de Paris. Dossier de naturalisation. IA Carton 41: «Chklover Georges».

⁷⁷ Серков А.И. История русского масонства XX века. СПб. 2009. Т. 2 и 3.

⁷⁸ МЦР. Ф. 1. Оп. 9704. Л. 3. Письмо Г.Г. Шклявера В.А. Шибаеву, б/д. [1934] (на англ. яз.).

III. Стратегия в отношении к католическому миру

Католики также стали объектом внимания Общества не потому, что его руководители намеревались сформировать отдельную католическую группу, но потому, что хотели заручиться поддержкой Ватикана. Дискредитация Лиги Наций заставила Таубе и Рериха применить особую стратегию, цель которой состояла в том, чтобы побудить «малые страны» признать Пакт Мира, обращаясь к каждой отдельно. С этой точки зрения Ватикан имел особое значение: «Ведь эту могущественную духовно-светскую машину нужно постоянно оценивать (к сожалению, может быть) как не только чисто идейно-духовного-идеалистическую организацию...», — писал Таубе Рериху в конце 1932 г.⁷⁹

Более того, прежде чем поставить вопрос о признании в 1933 г. Пакта Соединенными Штатами, Таубе собирался повлиять на американское правительство с помощью католиков: «Мне, в качестве дальнейшего плана действий, приходит на мысль, что, может быть, в Риме мы при некоторой затрате времени и усилий, нашли бы ключ и к перемене к нам отношения, в правит[ельственных] кругах в самой Америке»⁸⁰.

Объясняя свой план Рериху, он снова отмечает важность для Учреждений личных связей каждого из сотрудников: «По связи со всем прочим — и несмотря на отдельных неудачных и косных “прелатов”, — я и тут думаю о Ватикане и (совсем конфиденциально) думаю не “зря”. Дело в том, что, в связи с одним посторонним обстоятельством, у меня с некоторых пор открылся “ход” к ближайшему окружению кардинала-архиеписопа Нью-Йоркского, и даже к нему самому»⁸¹.

Конечно, благодаря своим религиозным убеждениям и связям в католических кругах Мари де Во Фалипо рассматривалась в качестве инструмента для сближения с католической церковью во Франции. По просьбе Рериха она организовала для него встречу с парижским архиепископом, кардиналом Вердые (Verdier) (1864–1940)⁸². Но Михаил Таубе не остался в долгу и установил контакт с ближайшим сотрудником Вердые монсеньором Эммануэлем Шапталем де Шантелу (Chaptal de Chanteloup) (1861–1943)⁸³. Русский по происхождению, он председательствовал во французском «Союзе помощи русским», созданном в ноябре 1921 г. В 1922–1930 гг. не менее 25 000 русских эмигрантов во Франции получили помощь от этого Союза.

⁷⁹ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 53 об. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 25-29 декабря 1932 г.

⁸⁰ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 44. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 1 октября 1932 г.

⁸¹ Там же. Л. 44 об.

⁸² МЦР. Ф. 1. Оп. 10531. Л. 6 об. Письмо М. де Во Фалипо Э. Лихтман от 3 февраля 1930 г. (на фр. яз.)

⁸³ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 25 об. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 15-17 марта 1932 г. Рерих встречался с Шапталем в 1930 г. (МЦР. Ф. 1. Оп. 8076. Л. 32 об.)

Французское общество друзей Музея Рериха как организация, основанная русским эмигрантом и объединяющая других русских беженцев, пользовалось этим вниманием католических прелатов, поскольку, напомним читателям, падение царского режима породило у них надежду на примирение с православными⁸⁴.

Со своей стороны, Камилл Тюльпинк (Tulpinck), которому удалось заручиться в Бельгии поддержкой двора и высшего духовенства, понял важность любого шага, способствующего поддержке Ватиканом проекта защиты памятников и произведений искусства, предложенного Рерихом. Благодаря его усилиям и усилиям руководителей Французского общества, Конференция 1931 г. получила благословение Папы, а Знамя Мира было освящено в Соборе Святой Крови.

Чтобы установить более тесную связь со святейшим престолом, Пию XI (1857–1939) преподнесли альбом репродукций двенадцати картин Рериха о жизни Христа и святых⁸⁵.

Несколько позже, в 1933 г., по предложению Мари де Во Фалипо⁸⁶ Общество подарило одну из картин Рериха парижскому нунцию для Папы. Обычно сюжет картин соответствовал вероисповеданию получателя (калмыкам дарились изображения Будды, мусульманам — аллегорические изображения Магомета⁸⁷). Но на этот раз Папе послали гималайский пейзаж, поскольку он был заядлым альпинистом.

Кардинал Пачелли, будущий Пий XII (1876–1958), поблагодарил Рериха за «художественную картину», написанную им⁸⁸. Эта работа, как считал Таубе, произвела впечатление в католическом мире⁸⁹, точно так же как за несколько месяцев до этого «вызвал сенсацию» визит нунция в Парижское Общество⁹⁰.

⁸⁴ См.: *Schor R. Solidarité chrétienne? Orthodoxes russes et catholiques français dans les années 1920 // Cahiers de la Méditerranée. 2001. 63* <http://cdlm.revues.org/index/18.html>. См. также: Clément J.-L. Mgr Chaptal et la Mission diocésaine des étrangers. Entre pastorale, intégration et assimilation 1922-1930 // Cahiers de la Méditerranée. 2008. 76 <http://cdlm.revues.org/index/18.html> и Pettinaroli L. Difficultés et fécondités d'une rencontre : catholicisme et orthodoxie à l'épreuve de l'émigration russe // <http://russie-europe.ens-lyon.fr/IMG/pdf/pettinaroli.pdf>.

⁸⁵ МЦР. Ф. 1. Оп. 6415. Л. 2. Список картин Н. Рериха (машинопись). См. также письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 2 февраля 1932 г. (на фр. яз.), МЦР. Ф. 1. Оп. 10536. Л. 55.

⁸⁶ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 102. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 12 января 1933 г. (на фр. яз.)

⁸⁷ О картине, посланной калмыкам, эмигрировавшим в Белград, см. письмо Н.К. Рериха М.А. Таубе от 15 декабря 1931 г. (МЦР. Ф. 1. Оп. 8076. Л. 6). О фотографии с портрета Магомета, написанного Рерихом, который очень понравился Али Абкару бек Топчибашиеву, см. письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 22 апреля 1932 г. (МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 34).

⁸⁸ МЦР. Ф. 1. Оп. 8733. Л. 2. Письмо кардинала Пачелли Н.К. Рериху от 22 июля 1933 г. (на ит. яз.)

⁸⁹ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 67. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 18 августа 1933 г.

⁹⁰ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 121. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 27 июня 1933 г. (на фр. яз.)

IV. Трудности, с которыми столкнулось Общество

Главная цель Общества состояла в том, чтобы добиться официального признания Пакта Рериха, хотя об этом и не говорилось в его уставе, а также присуждения Н. Рериху Нобелевской премии мира, как возможный венец своей деятельности. Однако на этом пути Общество столкнулось с целым рядом трудностей, которые мы рассмотрим ниже.

Позиция американских властей относительно рериховских учреждений

Учреждения Рериха, и в первую очередь Нью-Йоркский Музей его имени, не могли рассчитывать на официальную (государственную) поддержку, поскольку это были частные организации. Однако позиция американских властей, по крайней мере до Конференции в Вашингтоне в 1933 г., выглядит как труднообъяснимое противодействие деятельности Общества, о чем свидетельствует письмо Мари де Во Фалипо: «Мы должны бороться с позицией безразличия, если не сказать больше, американских посольств во всех столицах. <...> А ведь Музей Рериха находится в Нью-Йорке, и ваша экспедиция в Центральную Азию выполняется как Американская Экспедиция и повсюду демонстрирует флаг Соединенных Штатов. Просто поражает неизменный ответ, получаемый во всех посольствах США: “Музей Рериха и Пакт Рериха — частные предприятия, которые нас не касаются”»⁹¹.

Мы снова возвращаемся к тому, что в Европе существовало непонимание разницы между тем, как учреждения Рериха позиционировали себя в качестве учреждений «американских», и их реальным статусом в США. Так, Мари де Во Фалипо сожалела, что американское посольство в Париже и американская дипломатическая миссия в Брюсселе «решительно» отказались послать делегацию в Брюгге в сентябре 1931 г., в то время как, например, французский министр иностранных дел был официально представлен на Конференции действующим французским консулом в Остенде⁹². Отсутствие американцев в Брюгге тогда когда их ожидали там в большом количестве, а город был расцвечен американскими флагами, рассматривалось Таубе как одна из причин неудачи Конференции⁹³. «<...> Беда в том, что Вашингтон нам неприятен не только своим бездействием, нежеланием офиц<иально> поддержать Пакт, но и прямо враждебными ответами на запросы об этом

⁹¹ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 91 об. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 30 октября 1932 г. (на фр. яз.)

⁹² МЦР. Ф. 1. Оп. 8079. Л. 1. Письмо М. де Во Фалипо Н. Хорш от 4 февраля 1932 г. (Письмо переведено на английский язык).

⁹³ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 12. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 23 сентября 1933 г.

деле: из Америки неизменно отвечают, что все это дескать инициатива каких-то частных лиц, которыми и которой Стет Департамент “не интересуются”. Для всех знающих дипломатическую практику ясно, что такие ответы для дела убийственны и конечно гораздо хуже простого бездействия⁹⁴».

Однако статус учреждений Рериха наносил вред Обществу и во Франции, где он серьезно стеснял проведение политических и дипломатических акций. Так, в январе 1935 г. при обращении Луи Марена, в то время государственного министра, относительно присоединения Франции к Пакту, Пьер Лаваль (Laval) (1883–1945), министр иностранных дел, повторил аргумент американских властей («следует заметить, что Пакт Рериха есть акт, разработанный частной ассоциацией») и посчитал это достаточным основанием для отказа в рассмотрении запроса Марена⁹⁵.

Для Мари де Во Фалипо «негативная позиция американского правительства по отношению к учреждениям Рериха», однако, была не только принципиальным вопросом. «Американцы не приходят на рю де Пуатье. Очевидно, в колонии американцев получен приказ⁹⁶» — восклицает она в ноябре 1932 г., не давая других объяснений этому общему отказу американцев.

Ее опасения, возможно, были излишними, полагал Рерих⁹⁷, но он всегда знал, что они отражали многие проблемы Общества. В уставе Общества действительно указывалось, что его цель состояла не только в том, чтобы «познакомить Францию с трудами Мастера Николая Рериха», но также «способствовать, вместе с нью-йоркскими учреждениями Рериха, укреплению связей дружбы и сотрудничества, объединяющих Францию и Америку в художественных и интеллектуальных областях»⁹⁸.

Отвечало ли Общество этой цели? В отсутствие документов, которые могли бы подтвердить это положение устава, нам трудно об этом судить. В 1936 г. Мари де Во Фалипо даст понять, что нет, не отвечало — к этому мы еще вернемся, — однако ее мнению противоречит заявление французского президента Гастона Думерга (Doumergue) (1863–1937), который принял Рериха в частной аудиенции 17 июня 1930 года.

⁹⁴ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 45 об. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 1 ноября 1932 г.

⁹⁵ МЦР. Ф. 1. Оп. 8320. Л. 4. Письмо П. Лавалья Л. Марену от 25 января 1935 г. (на фр. яз.). Кроме того, Лаваль выражает «серьезные сомнения» по поводу своевременности текста, написанного Обществом, но не дает другого объяснения. Речь идет об ответе Лавалья на письма Марена от 20 ноября и 18 декабря 1935 г., с которыми автору не удалось ознакомиться из-за их отсутствия в архиве МЦР.

⁹⁶ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 89 об. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 3 ноября 1932 г. (на фр. яз.)

⁹⁷ МЦР. Ф. 1. Оп. 6140. Л. 6. Письмо Н.К. Рериха Г.Г. Шкляверу от 4 сентября 1934 г.

⁹⁸ Statuts. Art. 1 // Le Messager français du Roerich Museum. 1930. №1. С. 5.

Утверждая в беседе с художником, что «нет ничего, что противодействовало бы союзу Франции и Соединенных Штатов»⁹⁹, президент дал понять, что Рерих является признанным своего рода *полуофициальным культурным послом* одновременно Франции и США. В этих словах президента, помимо интерпретации, которую им можно дать, учитывая ситуацию, ставился вопрос о влиянии Николая Рериха как художника и организатора художественных объединений на американских художников. Несмотря на то что в начале XX века в США складывалась собственная живописная школа и происходило перемещение мировой столицы искусств из Парижа в Нью-Йорк¹⁰⁰, следует спросить — оказал ли русский художник, сформировавшийся в С.-Петербурге и Париже, сколько-нибудь заметное влияние на американских художников во время своего пребывания в США в 1920–1923 гг.? Ответ на этот вопрос мы частично находим в биографии Рериха, опубликованной Рут Дрейер (Drayer)¹⁰¹, но, безусловно, тема художественного влияния Рериха на современных ему живописцев заслуживает отдельной монографии. Такая работа позволила бы понять задачу, возложенную Рерихом и его сподвижниками на Французское общество друзей Музея Рериха и его американского «двойника», French Association of the Friends of Roerich Museum, которая в Нью-Йорке получила поддержку консула Франции.

Старый Свет против Нового Света

Разность менталитетов Нового и Старого Света составляла еще одну проблему для Общества. Действительно, тот тип функционирования, который Музей Рериха стремился навязать своему французскому филиалу, очень скоро был объявлен Мари де Во Фалипо и Таубе неприменимым в европейских условиях. Их жалобы по этому поводу касались аспекта, особенно досадного для рериховской деятельности — по крайней мере, с европейской точки зрения, которая совпадает с точкой зрения автора этих строк! — а именно рекламы, организованной вокруг имени Рериха тем учреждением, которое... носило его имя. В январе 1932 г. Михаил Таубе, отмечая в письме Эстер Лихтман ошибки, совершенные Обществом в Европе, говорит довольно откровенно

⁹⁹ Statuts. Art. 1 // Le Messenger français du Roerich Museum. 1930. №1. С. 41.

¹⁰⁰ Об этом см.: *Cohen-Solal A. Un jour ils auront des peintres. L'avènement des peintres américains.* Paris 1867 — New York 1948. Париж. 2000. В этой книге об американской живописи и ее отношениях с европейскими школами лишь однажды упоминается созданное Рерихом в Чикаго весной 1921 г. художественное объединение «Cor Ardens» (Пылающее Сердце). Американские художники Ремонт Джонсон (1891–1982) и Рудольф Вейзенборн (1881–1974) стали соответственно секретарем и заместителем секретаря этого учреждения.

¹⁰¹ *Drayer R. Nicholas & Helena Roerich. The Spiritual Journey of Two Great Artists and Peacemakers.* Wheaton — Chennai. 2005. P. 38, 39, 55, 56, 72, 73.

об этом: «На первом месте среди таких “ошибок” (ибо это наиболее всем бросается в глаза) я ставлю все, что имеет вид грандиозной “рекламы” вокруг имени Николая, исходящей из Америки и иногда прямо не считающейся с действительными фактами»¹⁰².

В июле того же года Мари де Во Фалипо предостерегает Зину Лихтман (Fosdik) (1889–1983) из Музея Рериха, сообщая о расхождениях, существующих между Европой и США относительно способов представления себя в лучшем свете: «Я вас прошу не рассматривать европейские обстоятельства в том же свете, что и американские обычаи. Следует избегать выражений слишком неопределенных и слишком высокопарных, чем речь более сдержанна и лаконична, тем больше она взволнует аудиторию. Это абсолютное новшество — предложение Пакта, носящего имя частного лица. Как бы ни велика была его известность, необходимо действовать очень тактично, чтобы не задеть правительства. Совершенно не соответствует обычаям в Ассамблее, где приходится решать тяжелые вопросы в очень короткое время, — чтение многочисленных сообщений, которые все говорят, за малым отличием, одно и то же [...]. Не следует объявлять о том, что еще в процессе подготовки, и чрезмерно выделять то, что уже достигнуто»¹⁰³.

Методы, использовавшиеся в США — например, доведенная до крайности кампания в прессе вокруг Экспедиции Рериха в Центральную Азию¹⁰⁴, — давали в Европе совершенно обратные, довольно плачевные результаты. «В Америке стремятся поразить общественность, некоторым образом оглушить, в Европе стараются убедить, избегают того, что похоже на блеф»¹⁰⁵, — пыталась объяснить Рериху Мари де Во Фалипо. Эта борьба с «американским взглядом на вещи, прежде всего субъективным, когда видится только цель, которую надо достичь, без учета обстоятельств политических и дипломатических, склонностей и воззрений других наций»¹⁰⁶, велась ею, чтобы дать понять людям по ту сторону Атлантики, что Знамя Мира не может быть водружено на памятниках, музеях или библиотеках в Европе, пока оно не признано международным актом¹⁰⁷. (Если только не дать понять американцам то,

¹⁰² МЦР. Ф. 1. Оп. 7283. Л. 1. Письмо М.А. Таубе Э. Лихтман от 1-6 января 1932 г.

¹⁰³ МЦР. Ф. 1. Оп. 8079, Л. 3-4. Письмо М. де Во Фалипо З. Лихтман от 29 июля 1932 г. (на фр. яз.)

¹⁰⁴ См.: *Savelli D. Shambhala de-ci, de-là : syncrétisme ou appropriation de la religion de l'Autre? (Autour de l'expédition N. K. Roerich en Asie Centrale) // Slavica Occitania. 2009. №29. С. 311-351.*

¹⁰⁵ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 46 об. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 31 декабря 1931 г. (на фр. яз.).

¹⁰⁶ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 56 об. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 10 марта 1932 г. (на фр. яз.).

¹⁰⁷ МЦР. Ф. 1. Оп. 8079. Л. 1. Письмо М. де Во Фалипо Н. Хорш от 4 февраля 1932 г. (на англ. яз.).

о чем некоторые люди в Париже говорили ей шепотом, что «г. Рерих хочет создать супердержаву»¹⁰⁸).

Ритм деятельности являлся еще одной точкой трения между Музеем Рериха и парижским Обществом. Париж не располагал ни «грандиозным оборудованием», ни «многочисленными штабами», напоминает Мари де Во Фалипо, предпочитая количеству качество¹⁰⁹. Организовывать концерты или конференции, то есть собирать 50–60 человек, означало «пригласить по меньшей мере 200, написать приглашения, делать визиты, принимать гостей, короче говоря, целыми днями заниматься пустяками». «Если продолжить этот образ жизни, как предлагает Нью-Йорк, станет физически невозможно работать», — предупреждает она, боясь превращения Общества «в нечто вроде развлекательного заведения»¹¹⁰.

Наступление нового времени

Из Нового Света пришла еще одна принципиальная трудность, с которой столкнулось Общество. Это финансовый кризис, поразивший Уолл-Стрит в октябре 1929 г. и через несколько лет (с 1932) начавший оказывать сильное влияние на деятельность французского филиала Музея Рериха. Филиал выжил только благодаря жертвам, на которые пошли Мари де Во Фалипо, оплатившая из своего кармана часть расходов по его содержанию, и Шклявер, жалованье которого заметно уменьшилось. В конце 1932 г., когда в третий раз возникла необходимость платить налоги, Мари де Во Фалипо всерьез засомневалась в том, что Нью-Йорк сможет оказать ей поддержку: «Или Музей Рериха находится вследствие кризиса в тяжелом положении, или хотят, чтобы Европейский центр исчез, поскольку считают его деятельность бессмысленной»¹¹¹.

Надо сказать, что субсидия, выплачиваемая Музеем Рериха, за которым стоял Луи Хорш (Horch) (1889–1979), нью-йоркский спонсор Рериха, первоначально доходила до 5 000 франков ежемесячно, сумму, которую Мари де Во Фалипо уже считала недостаточной для оплаты нужд Европейского центра. Однако продолжавшееся обесценивание доллара привело к тому, что летом 1933 г. Париж получил лишь сумму,

¹⁰⁸ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 46 об. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 31 декабря 1931 г. (на фр. яз.).

¹⁰⁹ МЦР. Ф. 1. Оп. 10536. Л. 5 об. Письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 1 февраля 1931 г. (на фр. яз.).

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 89. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 3 ноября 1932 г. (на фр. яз.).

эквивалентную 3 499,50 франкам¹¹². Что касается членских взносов¹¹³, то они всегда были недостаточны, что стало довольно ощутительным летом 1932 г., когда число членов Общества сократилось почти на две трети¹¹⁴.

Но кризис 1929 г. представлял не только финансовую угрозу Обществу. Постепенно он делал все более призрачной и недостижимой его конечную цель, а именно признание Пакта Рериха. Мари де Во Фалипо, безусловно, это ясно осознавала, когда писала 27 июня 1933 г., шесть месяцев спустя после назначения Адольфа Гитлера канцлером Германии. «Общая ситуация несопоставима с той, что была в 1929–30 гг. На что положиться? Лига Наций не имеет уже никакого авторитета. Общее мнение склоняется к тому, что расистская Германия поставит себя над всеми божескими законами, тем более над всеми гуманитарными соглашениями. Это не повод, чтобы умерить нашу деятельность, но следует удвоить осторожность и такт»¹¹⁵.

Возрождение антиинтернационалистских движений во всем мире означало наступление новой эпохи, когда ужасы Первой мировой войны мало-помалу стирались из памяти, а международная напряженность постепенно усиливалась. Несмотря на то что двадцать одна страна (Северной и Южной Америки ратифицировали в 1935 г. Пакт Рериха, пакты о ненападении, подписанные в 1930-е гг. европейскими державами с Германией, делали его все более и более бесполезным¹¹⁶.

¹¹² Чтобы дать представление о покупательной способности присланных из Нью-Йорка денег, отметим, что в 1932 г. месячная арендная плата за офис на рю де Пуатье составляла 1 250 франков (см. письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 3 ноября 1932 г. // МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 89 и 90), а годовые почтовые расходы — 500 франков (Ф. 8079. Л. 3). Интересно также отметить, что в 1931 году Мари де Во Фалипо имела серьезные трудности при найме секретаря за 1000 франков в месяц — «зарплата начинающего клерка в банке или торговой фирме». В письме Э. Лихтман от 16 июля 1931 г. она писала о необходимости повысить зарплату на 400 франков (МЦР. Ф. 1. Оп. 10531. Л. 41 об., на фр. яз.).

¹¹³ В письме Н.К. Рериху от 30 мая 1932 г. Мари де Во Фалипо указывала, что сумма членских взносов никогда не превышала 2 000 франков и что она снизится в этом году (Ф. 1. Оп. 8074. Л. 70). Известно, что Общество насчитывало около ста членов в июле 1931 г. Список их имен в конце 1929 г. и в начале 1930 г. приведен в журнале «Le Messager français» (№1. С. 10-15).

¹¹⁴ МЦР. Ф. 1. Оп. 8079. Л. 3. Письмо М. де Во Фалипо Э. Лихтман от 29 июля 1932 г. (на фр. яз.).

¹¹⁵ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 122 об. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 27 июня 1933 г. (на фр. яз.).

¹¹⁶ Высказанная здесь автором мысль о неудаче Пакта может вызвать удивление в свете многочисленных публикаций о нем рериховедов, пытающихся представить этот Пакт как высшее достижение Н. Рериха. Однако, на наш взгляд, важно отличать невероятную затею, которую представлял собой этот Пакт, от ставшей довольно быстро очевидной невозможностью реализовать его на практике. Симптоматично, что государства, ратифицировавшие Пакт в 1935 г., были исключительно американскими. Европейские же страны, первыми вступившими в мировую войну, воздержались от его ратификации.

«Политическая ситуация сильно изменилась с начала года; провал последних Международных конференций, приход к власти Гитлера в Германии и т. д. настолько глубоко изменили европейское равновесие, что старая система Альянсов возродилась в форме Пактов о ненападении и что почти все правительства сближаются с СССР, чтобы создать противовес угрозе Третьего Рейха. В результате эти правительства, которые стали или вот-вот станут решительно националистическими, все меньше и меньше интересуются широким планом международного объединения в области культуры, за который ратует наш Дорогой Мастер¹¹⁷, — писала Мари де Во Фалипо Эстер Лихтман, находившейся тогда в Нью-Йорке. Обращаясь к Рериху, она констатирует, что теперь «проблемы интеллектуальные, художественные и особенно международные занимают только элиту, ряды которой с каждым днем все более редуют»¹¹⁸. «Когда вы вернетесь в Европу, — добавляет она, — вас поразят изменения, произошедшие там за три года»¹¹⁹. Иначе говоря, «эти идеи, такие благородные» [...] которые, как она считала в 1928 г., могли бы «оказать благотворное влияние на наш мир»¹²⁰, пять лет спустя оказались совершенно бесполезными.

Николай Рерих: русский или американец?

В то время как всю Европу захлестнула волна национализма, довольно остро встал вопрос о национальности Рериха, поскольку в 1933 г. выступить в защиту культуры означало усиленно защищать какую-то «одну» определенную культуру. «Возражения высказываются с разных сторон — “культура, да, но культура национальна”... “А к какой национальности принадлежит г. Николай Рерих?” “Он остался русским, не примкнувшим к Советам? — в этом случае, поддерживая его идеи, мы рискуем вызвать неудовольствие правительства Москвы”. Стал ли он гражданином Америки? США постоянно вмешиваются в дела Европы, но недавняя конференция в Лондоне еще раз показала, что они только все усложняют!»¹²¹

Ставя эти вопросы в письме Э. Лихтман, Мари де Во Фалипо, не осмеливалась задать их напрямую самому Рериху. Однако вопрос

¹¹⁷ МЦР. Ф. 1. Оп. 10531. Л. 46. Письмо М. де Во Фалипо Э. Лихтман от 22 июля 1933 г. (на фр. яз.).

¹¹⁸ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 124 об. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 3 августа 1933 г. (на фр. яз.).

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ МЦР. Ф. 1. Оп. 10536. Л. 1. Письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 30 июля 1928 г. (на фр. яз.).

¹²¹ МЦР. Ф. 1. Оп. 10531. Л. 46. Письмо М. де Во Фалипо Э. Лихтман от 22 июля 1933 г. (на фр. яз.). Машинописная копия, вероятно, сделанная Шклявером, который добавил от руки вверху страницы справа: «Это письмо было написано без моего осведомления и уже отправлено, когда я о нем узнал». Лондонская международная экономическая конференция в июне 1933 г., которая должна была урегулировать финансово-экономический кризис, потерпела неудачу.

о национальности вдохновителя Пакта поднимался уже на Первой конференции в Брюгге, участники которой спрашивали: «Американец ли вы? При чем тут русские и пр.»¹²², — писал Таубе Рериху в сентябре 1931 г. Конечно, эти неудобные вопросы фактически ставили под сомнение «нейтральность» Пакта Рериха.

Во Франции из-за кризиса и растущей безработицы период русофобии, начавшийся вместе с веком, уступил место ксенофобии вообще и русофобии в частности, когда любой русский эмигрант стал вызывать подозрения. Более того, убийство 6 мая 1932 г. президента Республики Поля Думера одним из них, Павлом Горгуловым (1895—1932), поставило русских во Франции в очень неудобное положение. Убийцу признавали то белым, то красным, то даже агентом германской национал-социалистической партии. Во всех случаях национальная пресса предпочитала говорить о заговоре, отвергая гораздо более правдоподобную версию о безумии убийцы¹²³. Наконец, подписание в Париже в конце года Франко-советского договора о ненападении и невмешательстве наверняка заставило многих русских эмигрантов призадуматься. В этой ситуации Французское общество друзей Музея Рериха не могло не стать мишенью для атак охваченных русофобией французов.

Мари де Во Фалипо приводит в своих письмах слухи, которые циркулировали по поводу Общества: «Французское общество Николая Рериха — это только фасад, маскирующий русские организации, цели которых неизвестны». И добавляет от себя: «Это полная ложь, но я признаю, что создалась видимость, что это так»¹²⁴. «Видимость» — это частые визиты эмигрантов на рю де Пуатье, где они участвовали в деятельности русского «бюро» Общества (с 1930 г. это помещение перешло в собственность акционерного общества «Дом Политехников»). «Согласно нашему арендному договору, бюро должно работать только днем; из снисхождения нам позволяют одно вечернее собрание в неделю. Теперь их два каждую неделю, и Шклявер рассматривает возможность увеличить это число. Уже и членам клуба Политехников не нравится встречать столько иностранцев у себя. Очевидно, что некоторые из этих бедняг тяжело зарабатывают себе на жизнь, они довольно плохо одеты и производят странное впечатление в таком особняке»¹²⁵.

Мари де Во Фалипо особенно беспокоило некоторое афиширование русского характера Общества. Так, два концерта, данные «русским пианистом Гуревичем» в помещении на рю де Пуатье, вызвали у нее

¹²² МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 12 об. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 23 сентября 1931 г.

¹²³ По этому поводу см.: Coeuré S. Monier F. Paul Gorgulov, assassin de Paul Doumer (1932) // Vingtième Siècle. Revue d'Histoire. Jan-mars 2000. N°65. P. 35-46.

¹²⁴ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 96. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 5 декабря 1932 г. (на фр. яз.).

¹²⁵ Там же. Л. 94.

сильное неудовольствие — ведь она совсем недавно отказалась принять на работу русскую секретаршу. «Почему надо создавать видимость, что принадлежишь к русскому кругу, назначение которого — заниматься русскими артистами в Париже и делать им рекламу в американских газетах? Само по себе это вовсе не предосудительно, но это позволяет говорить, что организации друзей М.<узея> Р.<ериха> служат ширмой для пропаганды русофилии. Такая опасность настолько меня беспокоит, что я решила не помогать в проведении концертов, чтобы не быть заподозренной в покровительстве Г<уревичу> в Париже»¹²⁶.

Ни в одном своем письме Мари де Во Фалипо не упоминает о поездке Рериха в Москву в июне и июле 1926 г. в ходе его экспедиции в Центральную Азию, для чего ему пришлось изменить свой маршрут. Создается впечатление, что она не знала об этой поездке и поэтому не поняла причины крайне подозрительного отношения со стороны британского Форин офиса к Рериху, когда тот поселился в Индии. Однако она считала несомненным, что британская разведка следит за Парижским обществом и его деятельностью. Она очень хорошо понимала, что малейшее подозрение политического характера в отношении Николая Рериха могло бы иметь серьезные последствия и для Урусвати, и для русской секции Общества. (Такие подозрения действительно имелись у англичан, но они, впрочем, ничуть не помешали Рерихам и созданному им институту Урусвати¹²⁷.) «Заметьте, с другой стороны, — писала она Эстер Лихтман, — что, если бы [власти] могли хоть на миг заподозрить г. Николая Рериха в сближении с Советами, все русские общества, многочисленные и активные, которые собираются на рю де Пуатье, вылетели бы отсюда с треском»¹²⁸. В эмигрантских же кругах во Франции ходило немало самых невероятных слухов о Рерихе.

Большевик, буддист и масон: три обвинения против Рериха

Уже в начале 1929 г. статья в монархистском и антисемитском журнале «Двуглавый Орел», издававшемся в те годы на русском языке в Париже, обрушилась с нападками на Рериха. Шклявер не ответил на выпад, чтобы не вызвать всплеска полемики во французской прессе¹²⁹. Тем не менее атаки на художника со временем усилились до такой степени, что,

¹²⁶ МЦР. Ф. 1. Оп. 10531. Л. 34. Письмо М. де Во Фалипо Э. Лихтман от 3 марта 1931 г. (на фр. яз.). Упомянутый в письме пианист это, по-видимому, Г.А. Гуревич (1895–1959), который эмигрировал во Францию в 1923 г. и преподавал в Парижской консерватории. О нем см. Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь (под ред. Мнухина Л., Авриль М., Лосской В.). М., 2008. Т. 1. С. 446–477.

¹²⁷ См. статью А.И. Андреева в этом сборнике: «Дневники Э. Лихтман: Рерихи в Кулу (1929–1934)».

¹²⁸ МЦР. Ф. 1. Оп. 10531. Л. 46 об. Письмо М. де Во Фалипо Э. Лихтман от 22 июля 1933 г. (на фр. яз.).

¹²⁹ МЦР. Ф. 1. Оп. 6136. Л. 10 об. Письмо Г.Г. Шклявера Н.К. Рериху от 9 марта 1929 г.

если верить Таубе, руководители Общества должны были посвятить большую часть своего времени их отражению. «Ибо, к сожалению, как Вы знаете, и как постоянно приходится вновь убеждаться, значительное количество времени и усилий уходит у нас на устранение препятствий и сплетен, возникающих на нашем пути благодаря явно недобросовестным проискам наших — и специально Ваших — недоброжелателей!»¹³⁰.

В основном эти сплетни распространялись бывшим членом парижского Общества, актрисой Марией Германовой. Известная актриса МХАТа, она обосновалась в Париже в 1927 г. и, как мы видели, целый год председательствовала в русской секции. Причины неприязни, которую Германова в конце 1931 г. неожиданно стала испытывать к Рериху, нам известны главным образом из писем художника и его сотрудников, иначе говоря, они отражают только одну точку зрения, враждебную Германовой, и не могут претендовать на исчерпывающее объяснение. Внимательное их прочтение показывает, что в основе конфликта, вероятно, лежал какой-то спорный вопрос, возможно, просто недоразумение, имевшее место между Рерихом и мужем Германовой, профессором Александром Калитинским (1879–80? –1946), археологом и директором Института Кондакова в Праге. В 1930 г. Рерих отказался финансировать этот институт из-за отсутствия сведений о его бюджете¹³¹. Спор длился до 1932 г., когда Калитинский приехал в Париж. По мнению Шклявера, позиция Калитинского положила безусловный конец любой форме сотрудничества между Пражской организацией и учреждениями Рериха¹³².

Слухи, распространявшиеся Германовой, сколь бы ложными или правдивыми они ни были, стоит рассмотреть подробнее, поскольку причиной ее неприязни к художнику, согласно этим слухам, послужили тесные связи Рериха с Кремлем (по крайней мере, начиная с 1924 г.), но особенно, — поскольку эти слухи затрагивали нечто очень важное для тех, кто интересуется Николаем и Еленой Рерих, — их эзотерическое учение. 5 апреля 1933 г. Мари де Во Фалипо пишет о толках, которые ходят по Парижу. «Но кампания, которую проводит г-жа Г<ерманова> заслуживает внимания. Она распространяет слух, что вы оставили христианскую религию, чтобы вступить в лоно буддизма, и что, став ламой, вы совершаете богослужения в храмах.

¹³⁰ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 61. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 19 июня 1933 г.

¹³¹ МЦР. Ф. 1. Оп. 10741. Л. 2 и 3. Черновик перепечатанного письма, адресованного Институту им. Н.П. Кондакова, датирован мартом 1932 г. Этот институт был одним из первых в мире институтов, занимавшихся изучением византийской и православной культуры. Он прекратил свое существование в 1952 г. из-за политической обстановки в Чехословакии.

¹³² МЦР. Ф. 1. Оп. 10742. Л. 3. Меморандум от 2 марта 1932 г., написанный Г.Г. Шклявером и адресованный Ю.Н. Рериху. Шклявер намекает здесь на разговор, состоявшийся 26 февраля 1932 г.

“Поэтому он отказался и от европейского костюма и носит только ламские одежды”»¹³³.

Объявлять Рериха буддистом — значило поставить под сомнение христианские ценности, которые он отстаивал, и, следовательно, нанести удар по тем отношениям, которые Обществу удалось установить с католическим миром. С умышленным правдоподобием Германова распространяла эти обвинения Рериха в «религиозном отступничестве» в католических кругах, напрямую связанных с русской диаспорой в Париже, например, среди отцов-иезуитов, руководивших русской библиотекой на рю де Севр¹³⁴.

Такие слухи, как мы знаем, беспокоили Рериха¹³⁵, но они также трагивали репутацию Общества. Именно по этой причине Мари де Во Фалипо пришлось вмешаться, чтобы отразить атаки Германовой.

Так, при публикации французского перевода книги Ю. Рериха «По тропам Срединной Азии» (*Sur les Pistes de l'Asie centrale*) она решила не помещать на титульном листе, в отличие от американского издания, фотографию Н.К. Рериха в «тибетском костюме» на фоне двух танок (*thangka*). Она не хотела, чтобы читатели подумали, что «профессор Рерих теперь азиат»¹³⁶. Изображение путешественника «в чисто западном виде»¹³⁷, напротив, подчеркивало научный характер экспедиции в Центральную Азию. «Предложенная обложка анонсирует научную экспедицию. Ваш портрет большого формата в европейском костюме — первое, что видит <читатель>, открывая книгу. Ясно, что это — глава западной экспедиции на Востоке. Наконец, Ваш портрет в тибетском костюме — это №1 иллюстраций, а несколько дальше другая вкладка показывает Вас во дворце <города> Ле в виде исследователя. <...> Что касается “По тропам...”, то мы имели успех, все говорят в один голос. “Какое превосходное издание!”, а открыв его: “Какой прекрасный портрет. Это, конечно, глава и мыслитель!”»¹³⁸.

Очевидно, Мари де Во Фалипо больше не раздумывала ни над портретом, который украшает американское издание “*Trails to Inmost Asia*”, ни над другими портретами Рериха, облаченного в азиатский

¹³³ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 116. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 9 мая 1933 г. (на фр. яз.).

¹³⁴ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 110. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 5 апреля 1933 г. (на фр. яз.). Личная библиотека И.С. Гагарина (1814–1882) стала основой Славянской библиотеки в Париже; находилась по адресу: 35 рю де Севр и управлялась иезуитами (в 1982 г. она переехала в Медон, а затем в 2002 г. в Лион).

¹³⁵ МЦР. Ф. 1. Оп. 8076. Л.4 об. Письмо Н.К. Рериха М.А. Таубе от 19 ноября 1931 г.

¹³⁶ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 116. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 9 мая 1933 г. (на фр. яз.).

¹³⁷ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 110. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 5 апреля 1933 г. (на фр. яз.).

¹³⁸ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 116. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 9 мая 1933 г. (на фр. яз.).

костюм, в том числе теми, где он изображался стоящим перед Поталой, далай-ламским дворцом в Лхасе. Она довольствовалась объяснениями художника, который отметил, что даже католические миссионеры считают возможным одеваться в местную одежду, добавив, что он поступил, подобно другим путешественникам¹³⁹.

В отличие от портрета Рериха, символика Знамени Мира — красный круг с тремя точками, в виде треугольника внутри его, изображаемый на образах Святой Девы — вызывала гораздо большие споры, и успокоить их было намного труднее. «На Выставке старых городов-музеев, где Ваша «Богоматерь Мира» (Notre Dame de la Paix) вызвала единодушное восхищение своей благородной красотой и прекрасной техникой исполнения, я часто слышала такое замечание: “Какая странная идея — дать в руки Мадонне масонскую эмблему”. <...>

Три точки, три геральдических круга, три шара составляют эмблему франк-масонов, если Вы не удалите их, можно ожидать, что многие не захотят стать членами нашей Ассамблеи из-за этих трех кругов, которые мы помещаем в виде виньетки на нашей почтовой бумаге и на наших брошюрах.

Я предвидела такую опасность и помню, что сообщила об этом Святославу в 1928 или 29, — но реальность превзошла все мои опасения. Я думаю даже, что, если в религиозных кругах проявляются некоторые колебания в отношении оценки Ваших картин, то это, возможно, из боязни увидеть на одеждах Мадонны или Святых эмблемы, которые могут быть неправильно истолкованы¹⁴⁰, — писала Мари де Во Фалипо Рериху.

В своих ответах Мари де Во Фалипо Рерих в качестве защиты выдвигал единственный аргумент, а именно что символ Знамени Мира присутствует на заалтарной картине, нарисованной Гансом Мемлингом, которая раньше находилась в церкви, а теперь — в музее Антверпена¹⁴¹.

Одним словом, Рерих не раскрыл смысл символа, который он сохранил на своих картинах, и ограничился лишь ссылкой на то, что он присутствует на облачении Христа, окруженного ангелами-музыкантами¹⁴².

¹³⁹ МЦР. Ф. 1. Оп. 5095. Л. 95. Письмо Н.К. Рериха М. де Во Фалипо от 25 апреля 1933 г.

¹⁴⁰ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 113. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 18 апреля 1933 г. (на фр. яз.).

¹⁴¹ МЦР. Ф. 1. Оп. 5095. Л. 90. Письмо Н.К. Рериха М. де Во Фалипо от 31 января 1933 г. В своем письме от 3 апреля 1933 г. Рерих снова пишет о картине Мемлинга. См.: МЦР. Ф. 1. Оп. 5095. Л. 94.

¹⁴² Этот знак, какой бы смысл ни придавал ему Мемлинг, меняет свое начертание на других его картинах, изображающих Христа. Так, на картине «Небеса», которая хранится в городском музее Страсбурга и которая напоминает заалтарную картину 1480 г., среди трех красных кругов появляется четвертый, черный; кроме того, обрамление всего знака имеет форму кленового листа, а не круга.

В то же время адепту Агни Йоги Александру Асееву (1902/03–1993) Рерих дает совсем иное объяснение символа, подчеркивая его универсальный, а не сугубо католический характер.

«Сам знак Трех Сфер объясняется настолько различно в разных странах, что <я> не мог не привести Вам несколько из этих объяснений: а) трехперстный Знак православного Крестного Знамени; б) католический знак Троицы; в) тамга Темерлана; г) знак трех сокровищ Востока; д) знак Трех Вершин; е) прошлое, настоящие и будущее; ж) религия, искусство и наука; з) истина, красота и справедливость; и) мировое единение; к) истинна, красота и добро. Даже из этих предположенный Вы видите, что Знак устремляет сам по себе различных людей к своеобразно добрым мыслям»¹⁴³.

В католических кругах этот знак воспринимался как полноправный символ, но интерпретировался он совсем не так, как этого хотел Рерих: в треугольнике из трех точек католики видели знак, который франкмасоны используют в качестве тайного шифра. Мари де Во Фалипо почти менторским тоном объясняет трансформацию символа Святой Троицы с течением веков. «Во времена Возрождения расцвел второй символизм. <...> Можно не сомневаться, что великие художники XV и XVI веков участвовали в тайных обществах и пользовались аллегориями, чтобы выразить без опасений взгляды, которые церковь могла бы посчитать пагубными. <...>

Замечательная вещь: перестав быть братством благочестия, франкмасоны сохранили тайну использования символов, так что люди, потеряв их первичный смысл, стали их рассматривать как эмблемы исключительно безбожных атеистов, в особенности знаки ∙ и Δ. Например, знак , помещенный Святославом сбоку на вашем портрете, рассматривается почти всеми как масонская эмблема, подтверждающая, что вы их адепт.

Относительно трех кругов, заключенных в окружность, выбранных вами для Знамени Мира, то вы, наверное, удивились, что никому не бросилось в глаза, что это символ Святой Троицы первоначальной церкви. Опыт меня убеждает, что этот символ совершенно забыт не только мирянами, но и многими учеными священнослужителями. В день, когда Знамя было внесено в Базилику Святой Крови, протоиерей, который должен был его освятить, удивился, увидев эту эмблему, попросил объяснений у Г. Тюльпинка и не приступил к церемонии, пока не удостоверился, что на Знамени в углу есть малый латинский крест, что является обязательным на всех освящаемых объектах.

¹⁴³ Письмо Н.К. Рериха А.М. Асееву от 20 декабря 1933 г. цит. по: Рерих Е.И., Рерих Н.К., Асеев А.М. Указ. соч. С. 27. О нравственных категориях, которые Рерих объединил в этом Знаке (Красота, Знание, Искусство, Терпеливость, Простота, Терпимость и т.д.), см.: Stasulane A. Указ. Соч. С. 223.

Ваша ссылка на картину Мемлинга, на которой та же самая эмблема изображена на плаще Христа, только подтверждает мое объяснение»¹⁴⁴.

В общем, мало кто сомневался в том, что, эмблема, принятая Рерихом, содержит эзотерический смысл, даже если его смысл был непонятен. Напомним в этой связи, что по мнению Аниты Стасулане (Stasulane), символ трех точек в виде треугольника в действительности Рерих заимствовал у Е.П. Блаватской и он означает теософских махатм¹⁴⁵. Действительно, в начале 1930-х информация о теософском содержании Агни Йоги распространилась среди американских католиков¹⁴⁶, и особенно среди русских эмигрантов во Франции. В мае 1933 г. некий Валентин Александрович заявил в парижском журнале «Единый Фронт», что «знаменитый русский художник Н. Рерих» ныне пускает в ход учение «Агни-Юги» — омерзительное сплетение теозофии, мистики и поклонения сатане»¹⁴⁷. Отвечая Таубе, который прислал ему эту статью, Рерих дает понять, что статья его мало волнует, тем более он не станет ее опровергать: «К сожалению среди сотрудников наших есть лица, для которых масонство, так же как и Теософия представляют страшного жупела»¹⁴⁸.

Известно, что адепты г-жи Блаватской (1831–1891) занимались прозелитизмом в эмигрантской среде¹⁴⁹ и что между 1930 и 1932 гг. журналом «Числа», издававшимся в Париже, руководила Ирма де Манциарли (Manziarly) (1898–1950), теософка, которая одно время была близка к Кришнамурти (1895–1986) и с которой Рерих поддерживал контакты¹⁵⁰. Однако Агни Йога, в большой степени вдохновленная теософией Блаватской, практически не распространялась во Франции, как кажется, по настойчивому желанию Рериха, как об этом пишет преданный Рериху Поль Шабас. «М. в Агни Йоге говорит, что нужно провозглашать его имя, а наш генеральный секретарь <Г.Г. Шклявер — Д.С.>, который заглядывает ко мне время от времени, дает понять, что из дипломатических соображений вы предпочитаете оставить

¹⁴⁴ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 112 об. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 18 апреля 1933 г. (на фр. яз.).

¹⁴⁵ Stasulane А. Указ. соч. С. 220, 221.

¹⁴⁶ 4 июня 1932 г. Рерих сообщал Таубе о том, что некий католический прелат в США признался одному кардиналу, что он (т.е. Рерих) теософ. В этом же письме Рерих защищается против такого обвинения (МЦР. Ф. 1. Оп. 8076. Л. 47–47 об.).

¹⁴⁷ Цит. по письму М.А. Таубе Н.К. Рериху от 12 мая 1933 г. (МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 61). Нам не удалось отыскать эту статью.

¹⁴⁸ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 47. Письмо Н.К. Рериха М.А. Таубе от 14 июня 1932 г.

¹⁴⁹ См.: Менегальдо Е. Русские в Париже 1919–1939. 2-е изд. М. 2007. С. 170.

¹⁵⁰ В письме Н.К. Рериха М.А. Таубе от 24 ноября 1931 г. содержится намек на связь между русским отделением Общества и редакцией журнала «Числа» (МЦР. Ф. 1. Оп. 8076. Л. 5). Подробности о связях между Рерихом и семейством Манциарли, см.: Андреев А.И. Гималайское братство. Теософский миф и его творцы. СПб. 2008. С. 241, 244.

эту сторону <учения> в неопределенном виде и даже избегаете об этом говорить. Я очень хорошо понимаю, что вы не хотели бы задеть некоторых впечатлительных католиков <...>¹⁵¹.

Несколько месяцев спустя тот же Поль Шабас, который оценивал численность французских адептов Агни Йоги несколькими десятками человек, советует Рериху действовать с большей осторожностью, иначе, предупреждает он, «вы оттолкнете от себя католические элементы и даже ваших православных соотечественников; это факт несомненный»¹⁵². Надо сказать, что вопрос об эзотерической (т.е. весьма сомнительной) основе Знамени Мира возник в момент выбора картины Рериха для преподнесения ее Папе. Вот что в январе 1933 г. писала Мари де Во Фалипо:

«Моей первой мыслью было сделать копию Богоматери Мира, что имело бы то преимущество, что знак <Пакта> обрел присутствие в Ватикане. Но несколько человек, восхваляя картину, высказали сомнения с точки зрения литургической, задаваясь вопросом, можно ли изображать в руках Девы эмблему, не признанную христианской традицией, — а вызвало бы это возражения у Красного Креста? Признаюсь, я никогда не думала об этом, но мне кажется, будет благоразумнее посоветоваться с Монсеньором Невом (Nève) прежде чем вы займетесь этим проектом»¹⁵³.

15 мая 1933 г. нунций снова столкнулся с этой сомнительной символикой:

«Монсеньор Мальоне (Maglione) считает, что стиль Мадонны Зашитницы очень благородный и достойный автора Пакта Мира. Все же эмблема из трех кругов, заключенных в круг вечности, ему не представляется соответствующей общепринятому символу таинства Святой Троицы. Это не просто три круга, а три сплетенных круга... Этот символ даже вызвал споры, и он полагает, что благоразумнее не пытаться изобразить в виде треугольника таинство, которое есть выше всякого человеческого понимания»¹⁵⁴.

Как читатель уже знает, вопрос решился таким образом, что Папе послали картину с горным пейзажем.

¹⁵¹ МЦР. Ф. 1. Оп. 6131. Л. 2. Письмо П. Шабаса Н.К. Рериху от 15 июля 1932 г. (на фр. яз.).

¹⁵² МЦР. Ф. 1. Оп. 6131. Л. 4. Письмо П. Шабаса Н.К. Рериху от 24 ноября 1932 г. (на фр. яз.).

¹⁵³ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 102. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 12 января 1933 г. (на фр. яз.). Теодор Неве (1912–1963) был настоятелем католического монастыря Св. Андрея в Брюгге.

¹⁵⁴ МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 117. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 15 мая 1933 г. (на фр. яз.). Луиджи Мальоне (1877–1944) был папским нунцием во Франции с 1926 до 1938 г.

Уклончивое отношение Ватикана к Пакту Рериха

По правде говоря, слухов о принадлежности Рериха к масонам или о его теософских убеждениях недостаточно, чтобы объяснить уклончивое отношение Ватикана к Пакту Рериха. В письме от 1 октября 1932 г. Таубе пишет, ссылаясь на одного католика из Прибалтики, что причины «гораздо глубже», чем «клеветнические нападки» Германовой — все дело в эмигрантском статусе Рериха. Компромисс, который ищет Святой престол с Советским Союзом, заставляет его воздерживаться от всего, что может иметь связь с «представителями старой России».

«Это объяснение довольно хорошо подходит к разным другим известным мне здешним делам и обстоятельствам, в которых “прелаты” вдруг стали ставить палки в колеса в работу самых, казалось бы, пламенных религиозных и антикоммунистических групп»¹⁵⁵, — уточняет Таубе.

До Папской энциклики *Divini Redemptoris* от 19 марта 1937 г., которая клеймит «атеистический коммунизм» как «порочный в своей сущности», Ватикан пытался заключить альянс с Москвой. В этих обстоятельствах международный Пакт, выдвинутый русским эмигрантом, почти не имел шансов заинтересовать Ватикан, даже если в Риме и ходили слухи, что Рерих — болшевик.

Поль Пеллио, враждебный востоковед

Критика Рериха и его парижского Общества касалась не только вопросов конфессиональных или политических. Она относилась и к научным проблемам, как это имело место в случае с известным французским синологом Полем Пеллио (Pelliot) (1878–1945). Конечно, враждебность Пеллио можно приписать обычному соперничеству востоковедов или даже конкуренции двух экспедиций — экспедиции Рериха в Центральную Азию и экспедиции «Желтый поход» (*Croisière jaune*) (апрель 1931–февраль 1932), финансируемой автомобильным конструктором Андре Ситроеном (Citroën) (1878–1935). Научные результаты последней, по просьбе Ситроена, согласился освещать во Франции Поль Пеллио. Но Мари де Во Фалипо, обеспокоенная задержкой публикации французского перевода “*Trails to Inmost Asia*” (По тропам Срединной Азии), пишет, что враждебность Пеллио проявилась еще до начала экспедиции Ситроена:

«В Париже Ситроен обеспечил абсолютную поддержку Полю Пеллио, возможно, он согласился на то, от чего отказались бы другие ученые, с целью навредить Экспедиции Рериха; но нам не следует давать повод для его нападков и систематически напоминать ему

¹⁵⁵ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 43 об. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 1 октября 1932 г.

о его неправоте из чувства собственного достоинства и сдержанности. [...] Ситроен абсолютно распоряжается большой Прессой. Ему стоит лишь сказать слово, и ни одна газета не напишет и строчки о «Тропах Срединной Азии» или опубликует только критику, инспирированную Пеллио. Это был бы полный крах для французского издания»¹⁵⁶.

Чем была вызвана враждебность выдающегося французского сиолога? Приведенное выше письмо Михаила Таубе Эстер Лихтман, в котором он перечисляет ошибки, совершенные Обществом, дает весьма правдоподобный ответ на этот вопрос.

«Last but not least: всюду, даже не в церковно-клерикальных кругах, очень вредила и нашему делу, и лично Н. Константиновичу история с «Тибетскими открытиями», своевременно не опровергнутая в печати и теперь столь ясная благодаря великолепному письму об этом Н. Константиновича. <...> Совершенно немыслимо, чтобы имя нашего Н. Константиновича склонялось на все лады рядом с именем... Нотовича, признавшего в свое время свою прямую подделку. Ибо древнейшие и интереснейшие народные предания Востока — это одно, а утверждение о существовании современного письменного памятника — совершенно другое»¹⁵⁷.

Мы не знаем, о каком «великолепном письме» Рериха идет речь, но пафос Таубе вполне понятен. Если появившееся в американских газетах сообщение об открытии экспедицией Рериха в монастыре Хеми в Ладаке древних рукописей, свидетельствующих о пребывании Христа в Тибете, не вызвало никаких критических откликов, то в Европе подобное сообщение не могло быть принято без изрядной доли скептицизма и даже насмешек¹⁵⁸. Скандал, вызванный публикацией в 1894 г. в Париже книги Александра Нотовича (1858 — ?) «Неизвестная жизнь Иисуса Христа (тибетское сказание)»¹⁵⁹, еще не забылся, поэтому повторение этой мистификации тридцать лет спустя путешественниками, называвших себя учеными, казался дурной шуткой.

Чтобы отвести критику Пеллио, Рерих попытался помириться с Ситроеном, написав статью о «Желтом походе»; Шклявер взялся тотчас же опубликовать ее в одной парижской ежедневной газете¹⁶⁰. Рерихи также поспешили опубликовать благодарственное письмо

¹⁵⁶ МЦР. Ф. 1. Оп. 10536. Л. 35. Письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 12 ноября 1931 г. (на фр. яз.).

¹⁵⁷ МЦР. Ф. 1. Оп. 7283. Л. 1. Письмо М.А. Таубе Э. Лихтман от 1-6 января 1932 г.

¹⁵⁸ Мари де Во Фалипо упоминает об упреках в адрес Ю.Н. Рериха из-за его объяснений «христианских легенд». См. письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 14 августа 1930 г. (МЦР. Ф. 1. Оп. 10536, Л. 3).

¹⁵⁹ *Notovitch Nicolas. La vie inconnue de Jésus-Christ. Paris. 1894. ix-305 P.* Этот текст был написан по-французски и сразу же переведен на несколько европейских языков. Историк и социолог Макс Вебер (1864–1920) одним из первых заявил о фальсификации.

¹⁶⁰ Статья эта, как кажется, была опубликована в газете *Le Temps*. Найти ее нам не удалось. Ее русская версия: Рерих Н.К. Экспедиция Ситроена // <http://lib.icr.su/node/738>.

Луи Одуэн-Дюбрею (Audoin-Dubreuil) (1887–1960), ставшему главой экспедиции Ситроена после внезапной кончины Жоржа-Мари Хаардта (Haardt) 16 марта 1932 г. в Гонконге¹⁶¹.

«Наконец-то, к моей большой радости, установились самые сердечные отношения между руководителями двух знаменитых экспедиций в Центральную Азию, американской и французской, и атаки П<еллиу> теперь вовсе не страшны, так как экспедиция Ситроена примирилась с вашими работами»¹⁶², — радуется Мари де Во Фалипо. Не забудем, однако, что это именно она сделала такое примирение возможным, воспользовавшись своими связями. Помог ей в этом «совершенно удивительный случай» — сестра Одуэн-Дюбрейя оказалась замужем за виконтом Франсуа де ля Ноэ, которого она знала еще ребенком¹⁶³.

V. Конец Общества

Мари де Во Фалипо заявила об уходе со своей должности в конце 1934 г.¹⁶⁴, но еще оставалась председателем Общества некоторое время. 12 сентября 1935 г. Михаил Таубе, в свою очередь, покинул Общество, сославшись на возросшую нагрузку в университете Мюнстера (Вестфалия), где он преподавал. Он отказался также от почетных постов, которые занимал в учреждениях Рериха, как и от поста почетного советника Музея Рериха¹⁶⁵. В конце 1935 г. (по крайней мере) Луи Марен отказывается от должности почетного председателя Общества¹⁶⁶. Что же случилось с французскими сотрудниками Рериха?

Трудно, конечно, не увидеть связи между этими отставками и разрывом отношений между Луи Хоршем, Нетти Хорш и Эстер Лихтман, — с одной стороны, и Рерихами и их сотрудниками, — с другой, летом 1935 г. Однако ничто не указывает на то, что эти отставки непременно связаны со скандалом, разразившимся в Нью-Йорке. Особенно это относится к Мари де Во Фалипо, решение которой покинуть Общество было принято задолго до скандала и, если верить Эстер Лихтман, с некоторым сожалением.

«Она (Мари де Во Фалипо. — Д.С.) также мне сказала, что никому не рассказывала о том, что собирается уйти в отставку, в глубине

¹⁶¹ Письмо от 22 октября 1932 г., опубликованное на французском языке в «Urusvati Journal». Т. 3 Р. 496.

¹⁶² МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 86. Письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 23 октября 1932 г. (на фр. яз.).

¹⁶³ МЦР. Ф. 1. Оп. 10536. Л. 45. Письмо М. де Во Фалипо Ю.Н. Рериху от 1 августа 1932 г. (на фр. яз.).

¹⁶⁴ Рерих Е.И. Письма. Т. III. 1935. М. 2001. С. 19 Письмо Е.И. Рерих М. де Во Фалипо от 9 января 1935 г.

¹⁶⁵ МЦР. Ф. 1. Оп. 7143. Л. 1. Письмо М.А. Таубе Л. Хоршу от 12 сентября 1935 г.

¹⁶⁶ МЦР. Ф. 1. Оп. 6272. Л. 4. Письмо М. Шесно Н.К. Рериху от 17 декабря 1935 г. (на фр. яз.).

души она любит свою работу и ей совсем бы не хотелось видеть кого-то на своем месте, так как она делала свою часть работы, которая ей нравится, в собственной своей манере и стиле»¹⁶⁷.

Шклявер, со своей стороны, сообщая об отставке Мари де Во Фалипо, объясняет ее «чисто клерикальными причинами»: «ведь она ярая католичка»¹⁶⁸. Такой мотив предполагает, что Мари де Во Фалипо, возможно, смущали некоторые религиозные аспекты, лежавшие в основе рериховских учреждений и противоречившие ее собственным убеждениям. Но зная об антипатии Шклявера к Мари де Во Фалипо, Николай и Елена Рерих, говоря об этих мотивах, все же испытывали недоумение. 5 апреля 1936 г. Мари де Во Фалипо представила Елене Рерих целый ряд объяснений, не имеющих ничего общего с предположениями Шклявера. Мы приведем их ниже¹⁶⁹.

С одной стороны, Мари де Во Фалипо подчеркивала, что ограниченные культурные обмены с Соединенными Штатами разочаровали многих членов Общества, которые надеялись при содействии Общества опубликовать в США свои исследования по истории искусства. С другой стороны, отмечала она, отсутствие Рериха на двух конференциях в Брюгге очень неблагоприятно отразилось на деятельности Общества, так как его присутствие «побудило бы, конечно, короля Альберта I (1875–1934) дать ему аудиенцию и повлиять на ратификацию Пакта бельгийским правительством». Также было бы желательно посещение Рерихом Югославии по приглашению короля Александра I (1888–1934). «В то время было бы вполне возможно добиться ратификации <Пакта> французским правительством, если бы два союзных короля показали такой пример», объясняла она. Она говорит также о трудностях, вызванных разностью менталитетов европейцев и американцев: «приходится констатировать — что хорошо в США, чаще всего производит обратный эффект в Европе». Наконец, изменения, имевшие место в Европе, стали фактором, предопределившим неудачу «этого интеллектуального и художественного предприятия, начатого с таким замечательным энтузиазмом»:

«Как можно создать международную организацию взаимопонимания и интеллектуального сотрудничества, если могущественные государства — Германия, Италия, Япония, Россия стали безусловно и крайне националистичными? <...>

По причине продолжающегося беспрецедентного экономического и социального кризиса (такое предприятие. — Д.С.) было слишком масштабным, чтобы оно смогло преуспеть», — заключила она.

¹⁶⁷ МЦР. Ф. 1. Оп. 7284. Л. 3 об. Отчет Э. Лихтман о ее пребывании в Париже с 24 по 26 февраля 1935 г.

¹⁶⁸ См.: Письмо Н.К. и Е.И. Рерихов от 23-24 апреля 1936 г. // *Рерих Е.И. Письма*. Т. IV. 1936. М. 2002. С. 164.

¹⁶⁹ МЦР. Ф. 1. Оп. 2627. Л. 3, 4об. Все цитаты в трех следующих абзацах взяты нами из письма М. де Во Фалипо Е. Рерих от 5 апреля 1936 г.

Доводы, приведенные Мари де Во Фалипо, как мы видим, весьма основательны, и они часто появлялись в ее корреспонденции вплоть до 1935 года. Следует ли, однако, исключить другие причины, более глубокие и более личные, которые могли вызвать ее отставку? Нельзя ли предположить, что она, заявлявшая в феврале 1930 г.: «Именно религиозный дух профессора Рериха, такой глубокий и такой грандиозный, привлек меня к нему¹⁷⁰», в конце концов, встала на точку зрения своего друга, который «пытался ее убедить, что ей не следует заниматься таким опасным делом»¹⁷¹?

Мы не можем ответить на этот вопрос, и Николай Рерих, как и Елена, кажется, также испытывали некоторые недоумения по поводу ее ухода из Общества. Но вернемся к Таубе. В письме от 25 февраля 1936 г. Рерих пишет, что Мари де Во Фалипо послужила причиной его отставки¹⁷². Но если это так, то зачем ей, собственно говоря, нужно было убеждать Таубе покинуть Общество?

Мы уже отмечали скептицизм Михаила Таубе по поводу русской секции и тех мероприятий, которые она устраивала. К тому же, по мере того как события вынуждали русских эмигрантов более четко определять свою позицию по отношению к СССР, пути Таубе и Шклявера все более расходились. Шклявер установил связи с Москвой, а Таубе, если верить историку А.В. О कोरोкову¹⁷³, примкнул к «Управлению делами русской эмиграции», созданному в Париже в апреле 1942 г. немецкими оккупационными властями, — иными словами, к организации, которая могла противодействовать и коммунистам, и масонам... В эти же годы Шклявер вступил в ложу «Юпитер», одну из масонских лож русской эмиграции во Франции.

После ухода Мари де Во Фалипо и Михаила Таубе Общество было обречено. Одно время его возглавлял издатель Жюстен Пейронне (Reugonnet), которого затем сменил Шклявер. Дальнейшая его судьба нам отчасти известна из письма Юрия Рериха брату Святославу: помещение Общества — с марта 1938 г. оно находилось на рю де Валуа 7, вблизи Пале Рояль¹⁷⁴, — было разорено германскими оккупационными властями. Дата его окончательной ликвидации нам неизвестна.

¹⁷⁰ МЦР. Ф. 1. Оп. 10531. Л. 7. Письмо М. де Во Фалипо Э. Лихтман от 8 февраля 1930 г. (на фр. яз.).

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² МЦР. Ф. 1. Оп. 325. Л. 11 об. Письмо Н.К. Рериха Гавриилу Г. Шкляверу от 25 февраля 1936 г.

¹⁷³ О कोरोков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920-1990 гг. М. 2003. С. 124.

¹⁷⁴ МЦР. Ф. 1. Оп. 8177. Л 12-13. Письменный текст, б/д. См. также вырезку из газеты «Последние Новости» от 8 марта 1938 (МЦР. Ф. 1. Оп. 11624. Л. 1).

1-го ноября 1932 г. Михаил Таубе попытался объяснить Рериху, почему он отказывается принимать участие в создании Института восточных исследований.

«Я привык то, что я строю, строить основательно, — или вовсе не строить, как бы ни хотелось строить в данную минуту. Иначе получают “Потемкинские деревни”, в любви к которым и так нас обвиняют серьезные представители настоящей Культуры»¹⁷⁵.

Выражение «Потемкинские деревни» вызвало тогда острую реакцию Николая Рериха: *«Но Потемкинские деревни заключают в себе сознательный обман, иначе говоря то, что совершенно несовместимо ни с природой нашей деятельности, ни с нашей сущностью»*¹⁷⁶.

Рерих возвращается к этой теме в других своих письмах, и кажется, что выражение «Потемкинские деревни» кольнуло его еще больше, чем слово «bluff» («блеф»), употребленное Мари де Во Фалипо в письме к нему в декабре 1931 г.¹⁷⁷. Дело в том, что во многих отношениях деятельность Французского общества друзей Музея Рериха казалась довольно неестественной, а со временем общественная сеть, учрежденная его руководителями, стала тем более искусственной, что цель этой организации (никогда не достигнутая) шла вразрез со своей эпохой. Но для Николая Рериха — и отсюда его раздражение при всяком подозрении на обман, подрывавшим его доверие — Общество не было зданием без фундамента. Оно создавалось в соответствии с проектом, вдохновленным «посланиями» махатм, которые стали и источником Агни-Йоги. Быть одним из его руководителей требовало акта веры. Симптоматично, что Шклявер, чья непоколебимая вера помогла ему принять утопичный проект Рериха, остался верен Обществу, чего не случилось с Мари де Во Фалипо и Михаилом Таубе, которые никогда не были посвящены в подробности этого проекта (так называемого Великого плана Рерихов). До какой степени они готовы были трудиться во имя утопии, политические и религиозные основы которой противоречили их собственной вере и принципам? Знали ли они, что Французское общество друзей Музея Рериха, эта «Потемкинская деревня», созданию которой они способствовали, служило европейским форпостом будущей «Новой Страны», которую Рерихи мечтали построить, согласно Великому плану?

Перевод А.В. Шалаевой

¹⁷⁵ МЦР. Ф. 1. Оп. 8075. Л. 46 об. Письмо М.А. Таубе Н.К. Рериху от 1 ноября 1932 г.

¹⁷⁶ МЦР. Ф. 1. Оп. 8076. Л. 74. Письмо Н.К. Рериха М.А. Таубе от 20 ноября 1932 г. См. также письма Н.К. Рериха М.А. Таубе от 29 ноября 1932 г. (Л. 76) и 15 января 1933 (Л. 83).

¹⁷⁷ См. упомянутое выше письмо М. де Во Фалипо Н.К. Рериху от 31 декабря 1931 г. (МЦР. Ф. 1. Оп. 8074. Л. 46 об., на фр. яз.) и ответ на него Н.К. Рериха от 14 января 1932 г. (МЦР. Ф. 1. Оп. 5095. Л. 43).